

Екатерина Сарычева

Приключения по шаблону

фэнтезийный детектив

Екатерина Сарычева

**Приключения по шаблону.
Фэнтезийный детектив**

«Издательские решения»

Сарычева Е.

Приключения по шаблону. Фэнтезийный детектив /
Е. Сарычева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743894-4

Вася Панин — обыкновенный подросток из Санкт-Петербурга, который однажды становится свидетелем нападения на незнакомца и обладателем «Большой магической энциклопедии». Расследование затягивает Васю и его подругу Анфису Муромцеву в водоворот удивительных событий. Они узнают о параллельных мирах, силе мысли, Велесовых играх и дяде Анфисы. Ребята подозревают, что виновник происшествия — кто-то из их новых друзей. Но кто? И случайны ли новые знакомства? Карнавальная ночь расставит всё по местам.

ISBN 978-5-44-743894-4

© Сарычева Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Предыстория	7
Летний сад	10
Тимор	19
«Сивка, которая Бурка», или Еще одно необычайное происшествие	27
Открытие Велесовых игр	36
Тайные знаки	41
Пророчество Башни-оборотня	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Приключения по шаблону ФЭНТЕЗИЙНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Екатерина Сарычева

© Екатерина Сарычева, 2019

ISBN 978-5-4474-3894-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Наверняка, каждому из вас хотелось когда-нибудь очутиться в центре захватывающих событий и получить свою порцию чуда, но порой, обретая желаемое, мы разочаровываемся. Возможно, в этом суть всем известного закона подлости. Но на то он и закон, чтобы периодически сбываться.

А что такое, в сущности, законы? Наверное, они ничего особенного собой не представляют. Возможно даже, что люди придумали их лишь для того, чтобы показать природе, что они тоже умеют делать незыблемые вещи. Но получилось ли? Сможет ли какой-нибудь теоретик вывести доказательство теоремы о незыблемости законов общества, которые постепенно растворяются во времени, оставаясь лишь на страницах исторических книг, в легендах и памяти прошлых поколений? Конечно, нет. Потому что у этих законов нет основ, закономерностей. Многие из них настолько нелепы, что их начинает скандировать каждый второй юморист. Вот хоть взять закон, по которому нельзя выбрасывать лосей из самолета. Может такой закон изменить нашу жизнь в худшую или в лучшую сторону? По-моему, ответ ясен.

А вот если рассматривать законы природы: физики, химии, биологии, да даже элементарной математики, то мы увидим, насколько они точны, просты и закономерны. Их можно доказать миллион раз, рассматривая с разных сторон, но итог всегда будет один и тот же. Природа продумывала их, настолько скрупулезно высчитывая каждую деталь, что и придраться не к чему. Такие законы, не считая некоторых исключений¹, абсолютно не нарушаемы.

Таким образом, получается, что все имеющееся в нашем мире было создано по закономерным подсчетам. Словно игра, придуманная программистом: человеком, который за одну ночь создает из нескольких символов невообразимой красоты виртуальное творение.

Еще в древние времена люди пытались вычислить коды природы: раскрывали тайны неба, придумывали широту и долготу, изобретали градусники и составляли календари. Числа – вот то, что крутится вокруг нас и по сей день. Даже наука о закономерности чисел давно появилась – нумерология.

Но речь сейчас совсем не о нумерологии. Я хочу рассказать вам предысторию.

¹ Не зря же придумали слово «исключение». Его использование должно быть оправдано временем, прежде чем его внесли в речь разных народов мира. Не было бы исключений – не было бы и законов!

Предыстория

Каждый поступок, выбор и решение направляют нас в ту или иную сторону. Как будто мы идем по дороге с множеством развилок, попадающих через каждый метр. Иногда мы все время идем в одну и ту же сторону, иногда сворачиваем, а зачастую просто бродим годами по замкнутому кругу. Получается, каждый поступок ведет за собой цепь неизменных событий, которые и составляют нашу жизнь.

Так произошло и в тот августовский вечер. Петербург встречал закат. Необычайно красивое зрелище, надо сказать. Дворцовый мост заставлял остановиться и любоваться, любоваться, любоваться... Дома, дворцы и храмы переливались в лучах засыпающего солнца. По реке, выпуская веселый дымок, скользил пароход. По набережной со стороны Летнего сада шел подросток. Подросток, каких можно встретить в любом дворе, но было в нем что-то особенное. Наверное, дело в каком-то совершенно ему неподходящем выражении лица человека, немало повидавшего в жизни. Впрочем, не будем заглядывать вперед – все-таки это предыстория...

Он возвращался из кинотеатра, где работал билетером. Пожалуй, это был самый влюбленный в свою профессию билетер. Кинотеатр был единственным местом на земле, где он по настоящему чувствовал вкус жизни.

Обычно в этот час на улицах было многолюдно, но сегодня было непривычно пустынно. Да и фонари неважно горели. Впрочем, Васе Панину, так звали подростка, было совершенно не до этого. Он находился в настоящей эйфории. Вообще, он редко предавался мечтаниям – в его жизни и так было достаточно впечатлений, но этот фильм... Он всегда вдохновлял Васю. Да и не только его, ведь это были «Пираты Карибского моря»! Панин смотрел «пиратов» несколько десятков раз и не переставал восхищаться. Его влекла вся эта старина, приключения, корабли, сражения...

После сегодняшних пяти подряд просмотров картины ему как никогда чудилось, что должно произойти что-то необычное и важное, что-то, что обязательно перевернет его жизнь с ног на голову. Нет, ему и в обычной жизни хватало приключений, но это было совсем не то. Хотелось настоящих чудес и реальных спецэффектов.

Ему даже представилась сцена, как они с Фисой² и еще каким-то человеком идут по оживленной торговой площади, где продается множество диковинных товаров, которые он никогда раньше не видел. Вдруг где-то вдалеке появляется человек в накрахмаленном парике, указывает на них рукой, и вот уже вся толпа на площади с громкими криками несется в их сторону...

Продолжая погоню в своем воображении, Вася завернул за угол и... увидел хорошо одетого плотного мужчину, лежащего на асфальте, и склонившегося над ним человека в синем плаще из грубой ткани, лицо которого закрывал капюшон. Человек рылся в карманах муж-

² Фиса – Васина лучшая подруга.

чины, и, казалось, не замечал появления Панина. Рядом, в полуметре от них, лежала полностью опустошенная барсетка, содержимое которой было раскидано по асфальту.

Прервав размышления, Вася оценил еще раз обстановку и осознал, что человек в плаще – грабитель, а мужчина, в карманах которого он роется, скорее всего мертвый. Любой другой на месте Васи закричал бы, убежал или вызвал милицию, но не Панин. Общение с Фисой научило Васю не удивляться таким вещам и принимать их как должное.

Панин осторожно приблизился к грабителю со спины и хотел стянуть капюшон, но тот неожиданно развернулся, толкнул Васю в грудь и рванул во дворы соседних домов. Не ожидавший подобного Панин упал на асфальт, но быстро вскочил и помчался за ним.

Вокруг подмигивали множеством желтых глаз проносящиеся с огромной скоростью дома. Мелькали редкими огнями фонари. Ежась от ночной прохлады, торопились домой случайные прохожие. С визжащим звуком колес поворачивали спешащие в неизвестном направлении легковушки. А Васе думалось, что он никогда не догонит этого таинственного грабителя, потому что наверняка давно бежит в каком-нибудь другом направлении. Словно в опровержение его мыслей вблизи мелькнуло что-то синее, и впереди показался сам человек в синем плаще. Показался и... исчез, не успел Панин и посмотреть на него.

Вася остановился, чтобы отдышаться, и хорошенько огляделся. Здесь не было ничего примечательного: обычный двор, детская площадка и запертый спуск в подвал, лишь на траве, случайно оброненная грабителем, лежала отправительная открытка. Разочарованно вздохнув, Панин сунул ее в карман и пошел обратно, к месту, где остался лежать мужчина с барсеткой.

Как ни странно, за десять минут его отсутствия там ничего не изменилось: ни милицеских машин, ни паникующих прохожих, даже вещи лежали в точно таком же беспорядке.

Вася огляделся по сторонам и, убедившись, что вокруг никого нет, склонился над мужчиной, чтобы рассмотреть хорошенько, что с ним произошло. Через 10 минут Панин удивленно осознал, что на теле и одежде, насколько он мог видеть, нет ни одного повреждения, и решил, что мужчине что-нибудь вкололи или ему стало плохо, а грабитель решил этим воспользоваться. Правда, на больного человек совсем не был похож: слишком розовощекий и крепкий. Решив убедиться до конца в правильности своих рассуждений, а заодно узнать какие-нибудь данные о мужчине, Вася стал рассматривать «багаж» незнакомца.

Как ни удивительно, все ценные вещи оказались на месте. Нашлись даже паспорт, медицинская книжка, права на вождение какого-то вертолета (возможно, он был летчиком) и кожаный мешочек, доверху наполненный золотыми и серебряными монетками, в драгоценности которых Вася не сомневался. В общем, ничего примечательного: по бумагам – самый обычный человек. Вот только адрес какой-то странный: «ИМО...». «Интересно, что бы это значило?» – подумал про себя Панин. Была в вещах незнакомца и странная закономерность – шестерки. Они пестрили везде: в дате рождения, в адресе, в правах и медицинском полисе, написаны серебристыми нитями на галстук. Даже декоративных пуговиц на рукавах пиджака было по шесть!

Он поднялся на ноги, чтобы еще раз осмотреть окрестности, но тут его взгляд привлекла одна вещь. В стороне, на асфальте, одиноко лежала черная роза. Вася нагнулся, чтобы взять ее. Было в этой розе что-то особенное, завораживающее, волшебное. Она словно хранила какую-то зловещую тайну. Но Васе отчего-то совсем не хотелось разгадывать ее. Чутье подсказывало ему, что это слишком темная история, чтобы совать в нее свой любопытный нос. Больно уж мрачная была эта роза. Блики фонаря, чуть попадая в темноту ее изогнутых лепестков, тут же гасли. Но руки так и тянулись к цветку.

Нет, все-таки это была непростая роза. Как же Панин жалел, что не познакомился с мужчиной раньше человека в синем плаще! Сколько интересного он мог от него узнать! Панин коснулся бутона и задумчиво провел по нему пальцами. Раздался хлопок, и кончик стебля загорелся, словно бенгальский огонь. Вася одернул руку и в недоумении стал ждать развязки.

Искры дошли до бутона и, вспыхнув синим пламенем, он превратился в пепел. Панин был разочарован – он надеялся, что огонь появился неспроста, но больше ничего не происходило.

В конце концов, решив, что на сегодня хватит чертовщины, Вася направился было к барсетке, чтобы собрать вещи незнакомца, как вдруг пепел начал обретать очертания. Панин затаил дыхание, наблюдая, как горстка пепла превращается в книгу.

– Большая Магическая Энциклопедия, – прочитал он, поднимая книгу, и тут же открыл ее.

На секунду его взгляд скользнул на часы. Вспомнив, который час и какая ему будет взбучка из-за такого позднего возвращения, Вася начал аккуратно собирать вещи в барсетку, оставив себе только книгу. Затем, покраснев от тяжести, взял мужчину под руки и потащил вместе с барсеткой к Летнему саду, благо, было недалеко.

Чего только не сделаешь ради интересного дела! Вот только пусть попробует теперь мне не поверить! – констатировал он в темноту и медленно побрел вдоль набережной.

Летний сад

Реставрационное училище №7 находилось в одном из живописных местечек Санкт-Петербурга близ набережной Кутузова, где открывается замечательный вид на Неву и Летний сад. Что может быть прекрасней? Директором сего учреждения была хваткая женщина по имени Агнесса Павловна Брюллова. Она пропагандировала порядок и дисциплину во всем, чем очень досаждала ранимым творческим натурам преподавателей-художников. Любовь к дисциплине привила ей предыдущая работа – Агнесса Павловна 15 лет отдала КГБ. Но, как часто бывает с женщинами, она влюбилась в простого художника. Вместе они создали реставрационное училище, которому со временем нашлось место на нескольких этажах дома №36 по набережной Кутузова. Именно здесь, в комнатах для иногородних студентов, и жили наши герои. Кто бы мог предположить, что их, двух учеников реставрационного училища, ждут необычайные приключения, а в округе, начиная с этого августа, одно за другим произойдут странные и необъяснимые события, которые откроют им тайну Летнего сада.

Анфиса напряженно всматривалась в холст – не хватало последних штрихов. Уже месяц она по крупницам собирала образ потемневшей от времени картины. Это была ее первая серьезная реставрационная работа. Кроме того, была в этой картине какая-то загадка, а загадки Фиса очень любила. Таинственным казалось Анфисе и то, что нашла она ее у себя под кроватью, и то, что было на ней изображено. В центре картины была нарисована корзина с цветами. Корзину несли голуби³, в ней лежал младенец. Фисе понравилась задумка художника – она доказывала знаменитую отговорку взрослых, что детей приносят птицы, только в данном случае это были не излюбленные аисты, а голуби.

– Муромцева? – прервал ее размышления голос директора.

– Я здесь! – ответила Анфиса.

– Панин?

– Его сегодня не будет на занятии. Он в прошлый раз закончил работу, – бодро соврала Фиса.

– Разве? У меня ничего не отмечено, – удивилась Агнесса Павловна. – Пусть в следующий раз возьмет с собой работу на занятие.

– Хорошо, я передам, – сказала Анфиса.

Вася Панин был ее лучшим другом. Фиса знала его с пеленок. Они были как брат и сестра. Сколько Анфиса себя помнила, они с Васей вечно где-то бродили. Если Панину был нужен совет, он обязательно обращался к ней, а если Муромцева попадала в какую-нибудь историю, что бывало с ней довольно часто, он ей помогал. Фиса не без гордости смотрела на своего «братца». За последние несколько лет он сильно вымахал и был на целую голову выше Анфисы.

³ См. Большую Магическую Энциклопедию.

Вася был обаятельным светловолосым ясноглазым юношей лет шестнадцати. Он отличался приятным мягким голосом и потрясающим чувством юмора, отчего слыл душой компании и имел популярность у девчонок. Муромцева даже не старалась запомнить имена его подружек, потому что они никогда надолго не задерживались. А любвеобильный Панин каждый раз уверял ее, что «в этот раз все серьезно». Но стоило на горизонте замаячить новой юбочке, как наш герой бросался по течению Амура и ничего не мог с собой поделывать. Правда, была у Васи еще одна страсть – кино. Он был на нем просто помешан: знал все и обо всех, смотрел и помнил наизусть любую новинку и шарил в каждом закоулочке интернета, только чтобы найти что-нибудь о кино. А сколько он книг о нем перечитал!

– Альбина? Почему не отзываешься, – вновь вернула к реальности Муромцеву Агнесса Павловна.

Фиса перевела взгляд на Альбину, которая жила с ней в одной комнате. Красивая, модная, с гладко уложенными каштановыми волосами – девушка нового миллениума, как однажды сказал про нее Вася.

– А я? – спросила тогда Анфиса, на что Вася улыбнулся и сказал:

– Нет, ты совсем другая, и в этом твое очарование. Твое лицо интересно рисовать, на тебя хочется смотреть. Решительная, задорная, миниатюрная, с этими большими голубыми глазами и вечно кривой льняной челкой. Твой залиvistый смех и улыбка никого не оставят равнодушным! За это я тебя и люблю, сестренка.

Он в тот день настолько тонко подметил ее особенности, что даже она не смогла бы описать себя точнее. Муромцева вздохнула. Сколько себя помнила – она шла против течения. Что стоила хотя бы ее поразительная особенность оказываться не в то время и не в том месте. Когда другие девчонки ходили в кино и на дискотеки, Анфиса носилась по городу, пытаясь скрыться от периодически преследующих ее неприятностей. Панин, любивший более спокойные ритмы жизни, никогда не мог ее понять.

Муромцева, когда ты закончишь попадать в истории? С тобой словно балансируешь на лезвии бритвы. Я никогда не знаю, увижу ли тебя завтра! – не раз говорил он Фисе.

Фиса снова задумчиво посмотрела на картину. Агнесса Павловна вот-вот должна была подойти к ней, чтобы принять работу.

– Анфиса, очень недурно, – сказала директор, делая пометку в журнале. – Я принимаю твою работу.

– Но она еще не закончена, – неуверенно сказала Муромцева.

– Ты думаешь? – удивленно посмотрела на нее Агнесса Павловна. – Что ж, ты сможешь закончить ее в любой момент, оставь ее пока у себя.

– Спасибо, – улыбнулась Анфиса.

– Итак, занятие окончено, – подытожила директор, и ребята радостно заспешили на улицу.

Анфиса отнесла картину к себе в комнату, спустилась вниз и, радостно напевая «Happy birthday to you...», вбежала в комнату Панина.

Стояло радужное и деловитое августовское утро, с которого, собственно говоря, и начинается наша история. За окном виднелся Летний сад, весело размахивающий густыми кронами деревьев, и ничто, включая шаловливый ветерок, срывающий шляпы с прохожих, и норвящий залететь в уши и нос тополиный пух, не предвещало будущих неожиданностей и происшествий, коих ожидалось немало.

«Та-дам!» – Муромцева достала из-за спины новенький MP3-плеер и диски.

Сидевший на кровати Вася даже не обратил на Фису внимания. Он был поглощен книгой. Анфиса была так удивлена, что не знала: обижаться или нет.

– Что за книга? – спросила Муромцева, садясь рядом.

Это гениальная книга! Тут все так просто и понятно! Вот, например, магия. Ты когда-нибудь задумывалась о силе своей интуиции? А о том, почему, мечтая об определенном красном платье, ты довольно быстро его находишь, именно таким, каким представляла? Оказывается, магия – это сила мысли. А волшебные палочки? На самом деле они и не нужны – вместо палочки может быть любой предмет. Здесь их все объединяют термином амулеты. Амулет помогает концентрироваться на определенном предмете или собирать всю силу в один стусок энергии, чтобы ее потом куда-нибудь направить. А параллельные миры? Ты знаешь, почему нам снятся сны? Потому что миры существуют в разном времени: есть миры настолько медленные для нас, что надоест ждать, пока увидишь, а есть быстрые, существование которых мы не успеваем заметить. Материя миров устроена так хитро, что темпы жизни миров-соседей никогда не совпадут: или слишком быстро, или слишком медленно. Но есть миры, живущие в одном темпе. Они были созданы искусственно. Например, людям, развившим свою силу мысли, в XVI веке пришлось создать такой, чтобы спрятаться от инквизиции. Так появился мир антов и атров, в который потом переселились чудесные существа и народцы нашего мира. Вот почему сейчас нет ни русалок, ни фей...

– Стоп! Вася, столько информации! У меня голова кругом. Неужели ты в это веришь?

– Но все так логично.

– Тебе пора на свежий воздух. Ты во сколько лег спать?

– Со мной все в порядке. Просто вчера произошло кое-что необыкновенное.

Фиса вопросительно на него посмотрела.

– О! Плеер! – просял Вася. – Я так о нем мечтал!

– Надо же, заметил, – язвительно улыбнулась Муромцева.

– Он ведь, наверное, жутко дорогой!

– Не зря же я работала весь июль, – гордо сказала Фиса. – Итак, ты хотел мне что-то рассказать, – вернула она разговор в нужное русло.

– А давай прямо сейчас пойдём в Летний сад, мороженое по дороге купим. Там я тебе все и расскажу.

– Пошли.

Вася вставил в плеер диск, и они с Фисой вышли на набережную. Подходя к мостику через Мойку, Панин заметил двух дворняг, ведущих напряженную шахматную партию. Неподалеку с задумчивым видом прохаживалась персидская кошка. Сначала Вася в недоумении посмотрел в сторону собак, потом уставился на кошку.

«А что?! Я сама обалдела», – выдало пушистое серое создание на чистом русском языке.

Панин на всякий случай потряс головой и еще раз посмотрел в сторону странной компании. Шахматной доски уже не наблюдалось, кошка спокойно умывалась, а дворняги с самым невинным видом сидели на асфальте и разглядывали прохожих.

Решив, что ему привиделось, Вася выбросил собак из головы и, сделав музыку погромче, стал покупать мороженое. Но на этом странности не закончились. Сидевший на лавочке в начале аллеи мужчина читал газету с весьма странными заголовками на первой странице: «Как отличить эльфа от гнома, гнома от домового, домового от хоббита, а хоббита от гоблина? Этот, казалось бы, простой вопрос последнее время тревожит многих чародеев», «Интервью с вампиром. Какая группа крови нынче в моде?», «Почему так резко возросла миграция единорогов в Россию? На этот вопрос ответит специалист по миграциям единорогов Ефрем Рихардович Морской»...

К счастью, Панину так и не удалось дочитать данной газеты, потому что мужчина резко свернул газету и поспешил к выходу из сада. Вася решил не медлить и рассказал о вчерашней находке, грабителе в синем плаще и странностях, которые преследовали его всю дорогу, и отвел Фису к Петровскому домику, около которого вчера оставил труп.

Трупа, как обычно бывает в таких случаях, на месте не оказалось. Вася обошел все вдоль и поперек, но это ему мало помогло.

– Он же вчера был здесь! Куда он делся? – воскликнул он.

– Может, его нашли? Охрана или сторож?

– Исключено. Рано еще. В новостях бы объявили.

– Ты уверен, что тебе это не показалось? – спросила его Фиса.

– Я что, похож на сумасшедшего? – возмутился Вася. – И газета про хоббитов и единорогов – тоже плод моего воображения?

– Я даже не знаю, как выглядят твои хоббиты! Это ты у нас фантастикой увлекаешься. Давай рассуждать логично.

– Давай. Правда, твою логику сложно назвать логикой нормального человека. Она чересчур неординарная.

– Опять ты за старое! Нормальная у меня логика. Если не нравится – не слушай!

– Все, молчу-молчу. Ну, дак вот... Я, как человек, в подобные вещи не верящий, могу тебе точно сказать, что за этим стоит какое-то конкретное лицо.

– А я с тобой не согласен! Потому что как человек, верящий в подобные вещи, могу тебе сказать, что происходит что-то связанное с волшебством.

– Историй о Гарри Поттере, что ли, перечитал?

– Почему сразу перечитал. Разве ты не можешь предположить, что такое бывает в реальности?

– Не могу. Сам подумай. Если бы это было реально, то сотни жителей нашей страны были бы связаны с волшебством. Вспомни, сколько писали о странностях людей, о нечеловеческих способностях.

– Может, они и связаны. Я вчера собственными глазами видел мертвеца, напичканного шестерками: меня теперь везде это число преследует! А ты вообще сплошь из шестерок состоишь! Вот посмотри только! Где мы живем? Правильно, дом №36 – это шесть на шесть! Раз. Твой день рождения шестого июня, сейчас две тысячи шестой год, то есть ноль шесть, ноль шесть, ноль шесть, и тебе исполнилось пятнадцать! Пять плюс один – шесть! Ты видишь? Четыре шестерки!

– Все, что ты сейчас говорил, – глупости.

– Но даже вчера было 8 августа! Два да шесть плюс две восьмерки – двадцать четыре! Четыре шестерки!

– Кажется, я поняла, в чем проблема: ты опять насмотрелся фантастики.

– Да ничего я не насмотрелся! Я правда его видел! Почему ты мне не веришь?

– Просто это глупо, понимаешь?! Какие-то совершенно нелепые подсчеты! С каких пор ты ударился в нумерологию?

– Я ни во что не ударялся! – вдруг Панин застыл на месте, а спустя пару секунд начал отчаянно рыться в карманах. – Вот! Это грабитель потерял, – Вася торжествующе вынул из кармана письмо. – Я его еще не открывал. Специально оставил, чтобы мы его вместе прочитали. Теперь ты мне веришь?

– Смотря что там, – ответила Фиса, явно заинтересованная происходящим.

Панин аккуратно разорвал конверт и достал отправительную открытку с изображением какой-то чересчур зловещей таверны.

«Ад, пожелай Диме ни пуха на Семерочке. А Нинке поясок я к поездке нашла. В Санкт-Петербург, Адам, я вам свадьбу по-белому не перетащу. Ян мне, если смог бы, принес все, а я доделаю, у него пока нет, но он старается».

– Очень содержательное послание, – заметила Фиса, несколько разочарованно.

– Нет, тут что-то не то! Ты же видишь – написано как-то неестественно: запятые близко, открытка... Зачем отправлять почтовую открытку в конверте? Глупо как-то, неправильно, – цеплялся за последнюю возможность доказать свою правоту Панин. – Ох, что-то подсказывает мне – неспроста все это. Почему ты мне не веришь?

– По-моему, эта твоя история сильно притянута за уши, – Фиса смотрела на Васю, как на пациента, не желающего верить, что зеленые чертики по подоконникам не гуляют, и ей было его жаль. Панин это понимал и злился. Его мозг судорожно соображал, что делать дальше и где выход, но сознание работать на него не желало и постепенно убеждало, что Муромцева права и все это галлюцинации. Чтобы немного успокоиться, Вася начал считать статуи.

– Шесть! Я знал, шесть! – вдруг радостно закричал он. Анфиса уставилась на него с непониманием. – У него везде были шестерки, значит, это письмо – шифр. Ты понимаешь?! Шифр!

– Если честно, то не особо, – откровенно призналась Муромцева.

– Ну, смотри же! – Панин торжествующе указал на письмо и внимательно смотрел на него еще минут пять. – Я же говорил! Видишь? Сосчитай каждую шестую букву, считая пробелы. Получается... Нет, ты только посмотри, как хорошо все получается!

«Ад, пожелай Диме ни пуха на Семерочке. А Нинке поясок я к поездке нашла. В Санкт-Петербург, Адам, я вам свадьбу по-белому не перетащу. Ян мне, если смогу бы принеc все, а я доделаю, у него пока нет, но он старается».

– Мы и так ее ждем, – заметила Анфиса.

– Интересно, кто такая Н... ая? – в свою очередь размышлял Вася.

– Да кто угодно! Невская, Новосельская, нежная, новая, невозмутимая, неприятная, немолодая, неуклюжая, – вариантов масса! Выбирай, какой нравится. Предлагаю пока погулять и подождать нашу Неторопливую, – сказала Муромцева с улыбкой. У нее начинал появляться интерес к этой истории.

– Ладно, пошли, – согласился Вася. – Может, правда, придет...

– Они бродили по саду и болтали. Из наушников летела музыка «Сплин». Земля была покрыта редким ковром из разноцветных листьев, а по краям аллеи стояли белоснежные статуи.

– А если бы какая-нибудь из этих статуй ожила?! – решила перевести тему разговора Анфиса, – Интересно было бы с ней поболтать. Ведь здесь кругом одни древние знаменитости: Психея, например.

– Воображаю: идут люди и видят, как статуя жалуется подросткам на свою горькую судьбину.

– Только представь! – с этими словами Муромцева подошла к статуе какого-то хмурого грека, который показался ей наиболее недовольным, и картинно положила руку ему на плечо. – Добрый день! Как поживаете? – статуя повернулась и, удрученно повесив голову, ответила:

– Хуже не бывает, – Муромцева, не ожидавшая ничего подобного, уставилась на грека во все глаза.

– Молодец, я тебя поздравляю! Что теперь будем с ним делать? – саркастически заметил Вася, который после шахматной партии дворняг и газеты про эльфов принимал чудеса как должное, чего нельзя было сказать об оцепеневшей Анфисе.

– Вася, у нас белая горячка началась, – расстроено прошептала Анфиса.

– Какая белая горячка?! Мы в полном порядке, – шепнул он ей. – Это ты оживила статую! Я же говорил, что после моей недавней находки можно ничему не удивляться. Тем более эта статуя была шестой в ряду – я считал, – заметил он как бы между прочим.

– Опять ты со своими шестерками! – с досадой сказала Фиса. – Сколько можно говорить? Волшебства не существует!

– Молчи женщина! Не видишь, мужчины разговаривают?! – прикрикнула на нее статуя. Вдалеке показались люди.

– Надо срочно спрятать грека в кусты и подумать, как сделать из него статую, – засуетилась пришедшая в себя Муромцева.

– Пройдемте, – Вася проводил грека в кусты.

– Простите, на чем я остановился? – вежливо спросил грек у Панина.

– Стоп. Мне надо успокоиться. Давай свою энциклопедию, – попыталась отвлечься Фиса.

– Знаешь, друг, – тяжело вздохнул грек, – со мной каждый день фотографируются, а это так утомляет!

– Ты говоришь, он бы в синем плаще? – спросила Анфиса, пролистывая энциклопедию. – Смотри, что я нашла. Синие плащи – отличительный знак работников Магистерииума. Магистерииум, хм... Что это, как думаешь?

– Мне больше интересно, что это, – указал Вася на небольшую тучку, нависшую ровно над ними.

– Начался дождь, который быстро превратился в ливень. Почувствовав капли, статуя грека оживилась.

– Какое счастье! Я чувствую капли!

– Тише, – шикнул на него Панин.

Рядом с Муромцевой из ниоткуда возник высокий небритый мужчина в вязаном берете, который насковозь промок и смотрелся на нем крайне нелепо. Мужчина передал ей конверт, обклеенный множеством марок, повернулся на каблуках своих модных ботинок и исчез. Пока Фиса всматривалась в пространство, пытаясь понять, куда делся почтальон, Панин вскрыл конверт.

Муромцевой Анфисе

Уважаемая гражданка Муромцева!

Согласно имеющимся у нас данным, сегодня, не далее как одиннадцать минут назад, вы оживили одну из статуй, расположенных в Летнем саду, для неизвестных нам целей. Вы были осведомлены, что оживление статуй в людных местах, каковым и является Летний сад, запрещено, но нарушили запрет, а значит, понесете за это ответственность.

Вы обвиняетесь в несанкционированном использовании мыслей с целью оживления статуй. За это грубое правонарушение Вы должны будете заплатить штраф в размере, установленном судом. Также Вы обвиняетесь в пособничестве оживленному Вами преступнику. У нас нет сведений, каким образом Вам удалось снять тройное заклятие смешанного типа, но мы обязательно это выясним. Просим Вас оставаться на месте, дабы избежать ненужных осложнений. Если Вы попытаетесь уйти от правосудия, то знайте, что мы видим каждый Ваш шаг. Настоятельно советуем сохранять спокойствие и оказать содействие следствию. В ближайшее время представители Магистерииума прилетят на место происшествия.

Ваше дело будет рассмотрено в суде. Ждем вас в здании Магистерииума 24 ноября в три часа дня.

Искренне ваши,

Альфред Шумков.

Коллегия по борьбе с преступностью.

Магистерииум РМО.

– И ты до сих пор отрицаешь существование волшебства?! – возвел указательный палец к небу Панин.

– Почему всегда я? – возмутилась Муромцева, дочитав письмо до конца. – И вообще, не прошло еще одиннадцать минут – пять от силы!

– Рядом с ней очутился еще один странный почтальон, правда, одетый намного скромнее, и передал еще одно письмо.

– Подождите! – крикнула ему Фиса, но он уже исчез.

– Открывай скорей, – поторопил ее ликующий Панин, и Анфиса достала письмо.

Помогите! Мне больше некого просить. Он убил уже несколько ни в чем не повинных людей. Только я знаю об этом, и он знает, что я знаю. Мне страшно. Срочно приезжайте. Я не могу писать в письме подробностей, он может проверить почту.

Адрес: Тимор, ул. Багровых Туманов, д. 8.

– Веселенький адресок, – заметил Вася.

– От кого это письмо? – Муромцева непонимающе уставилась на Панина.

– Нашла, у кого спросить.

«Скромный» почтальон появился во второй раз и, быстро сунув Анфисе в руку очередной конверт, исчез.

Лучше забудьте то, о чем узнали. Вам незачем ввязываться. Н... ая.

– Вы обо мне забыли, что ли? – в разговор вклинилась статуя.

– Стоп. Что там говорится в первом письме?

– Что... – Панин взглянул на текст. – Что тебя сейчас арестуют, – Вася не сразу понял, что сказал. Смысл дошел до него, когда Фиса крепко схватила его за руку и помчалась к выходу из сада.

– Ты хочешь сказать, что тебя собираются посадить в тюрьму? В каком-то другом мире? За что? – недоуменно спросил он, когда они вбежали в дом №36 по Кутузовской набережной и поднялись в комнату Муромцевой.

– Потому что я, якобы, оживила статую, которая оказалась каким-то опасным преступником, – возмущалась Анфиса. – Вася, иди быстрее собирай вещи, у нас мало времени!

– Вечно ты во что-нибудь ввязываешься. Вот наградил меня бог подругой, – проворчал Панин и спустился к себе.

Фиса посмотрела в окно. У входа маячили два нестандартно одетых человека. Один из них, озираясь по сторонам, зашел внутрь. Она сразу поняла, кто это. «Чародеи! Значит, выход закрыт», – подумала она, застегивая сумку.

Вдруг дверь открылась, и на пороге возник человек в синем плаще с глубоким капюшоном, который закрывал его лицо. Без лишних разговоров он вынул из-под плаща руку, держащую серп. Анфиса затаила дыхание. Человек начал медленно двигаться в сторону Фисы. В этот момент в комнату влетел Панин с возгласом «А вот и я!». По своей старой привычке Вася распахнул дверь настежь, и она сильно ударила человека в плаще, который как раз стоял у стены со стороны петель двери. Воспользовавшись ситуацией, Муромцева схватила сумку и припустила в сторону лестницы. Панин бросился за ней. На первом этаже они столкнулись с одним из чародеев и побежали на второй этаж, в комнату Панина. Пока Вася баррикадировал дверь, Фиса связывала простыни, чтобы спуститься через окно с другой стороны дома. В комнату отчаянно ломились. Муромцева полезла первая. Для нее спуск по простыням был

в новинку, но она старалась закончить его как можно быстрее. Вася немного задержался и был еще на середине пути, когда преследователи прорвались через баррикаду.

Началась погоня. Вдогонку друзьям неслись искры амулетов и перстней. Прохожие с удивлением оглядывались на чародеев. Одна женщина даже вызвала милицию, предполагая, что по городу носятся преступники с лазерным оружием. Второй чародей, несколько отстающий от остальных, стирал людям память и исправлял урон, нанесенный своим напарником и человеком в синем плаще.

Незаметно для себя, они добежали до Дворцовой площади. Человек в синем плаще куда-то испарился. Зато два других чародея значительно сократили отделявшее их от друзей расстояние.

Вокруг проносились с бешеной скоростью витрины, прохожие, машины; одна улица сменяла другую. У Фисы с Васей уже не хватало дыхания, и они заметно снижали обороты, чего нельзя было сказать о преследователях, которые наоборот, казалось, при каждом повороте заряжались новой энергией. В нескольких метрах от чародеев показалась милицмейская машина.

Расстояние между беглецами и чародеями становилось все меньше и меньше. Совсем чуть-чуть – и преследователи победят в этом Петербургском марафоне, но не тут-то было. В дело живо вмешался мистер Случай в лице молодого таксиста. Еще издали он заметил бегущих ребят и несущиеся им вслед проклятия. Водитель быстро сообразил, что им нужна помощь, и открыл переднюю и заднюю двери. Это было очень кстати. Как раз в тот момент, когда один из преследователей почти схватил Анфисину сумку, друзья прыгнули в такси, и водитель нажал на газ.

– Вы просто наш спаситель, – сказала Фиса, немного отдышавшись.

– Да чего уж там. Сам в школьные годы не дружил с этими ребятами. А тебя как зовут-то? – водитель повернулся к Муромцевой.

Это был брюнет с сияющими зелеными глазами и улыбкой до ушей. У него было приятное лицо, покрытое легкой щетиной, которая необыкновенно ему шла. На брюнете свободно сидели спортивный костюм и спортивная шапочка с кисточкой. Он слегка размахивал в такт музыке, идущей по радио, искусно вырезанной курительной трубкой.

– Анфиса, а его – Вася.

– А меня Улль.

– Какое интересное имя!

– Мне все так говорят.

– Кажется, нас преследуют, – заметил Вася, посмотрев назад.

– Прямо за ними колонной ехали черная «волга» без номеров и новенькие синие «жигули» с мигалкой. Сидевший рядом с водителем «волги» чародей запустил в их машину парочкой искр. Водитель такси не остался в долгу и отправил в него несколько ответных заклятий. На лицах друзей читалось удивление.

– Да, – ответил таксист, предвосхищая вопросы. – Я тут проездом. Можно сказать, подрабатываю.

– А кем вы обычно работаете? – спросила Анфиса.

– Алхимиком, – непринужденно ответил новый знакомый и начал рассказывать об университете, в котором работал.

– У меня кончается бензин, – с легким разочарованием отметил водитель где-то через полчаса.

– И что вы предлагаете? – заметно посерьезнев, спросила Фиса.

– Можно меня на «ты». Уверен, еще не раз встретимся, – сказал Улль туманно. – Сейчас завезу вас во дворы. Тут недалеко живет моя знакомая. Вы спрячетесь где-нибудь. А когда эти, на «волге», проедут, пойдете к Лиане. Она живет в крайнем подъезде, на третьем этаже,

в левой квартире. Скажите, что от меня, – с этими словами он замедлил ход, и друзья, выбежав из машины, спрятались за припаркованной у подъезда красной «ладой».

Ульь быстро набрал скорость и завернул в арку. Мимо пронеслись милицейская машина и черная «волга».

– Кажется, повезло, – облегченно вздохнул Панин.

– Думаю, это еще не конец, – оборвала Анфиса забрезжившую было в нем надежду на отдых. – Пошли к Лиане. Может, она что-нибудь знает о Тиморе.

Подъезд встретил их обшарпанными стенами. Дверь нужной квартиры выглядела уныло, звонка не наблюдалось. Панин постучал. С другой стороны послышались шаги. Дверь открыла молодая цыганка. Она закрывала лицо платком. Это показалось Муромцевой немного странным. Лиана заметила ее взгляд.

– У меня простуда. Не хочу вас заразить. Проходите.

Цыганка провела их в комнату и ушла на кухню готовить чай.

– Знаешь, у меня такое ощущение, будто что-то не так, – поведала свои предчувствия Фиса.

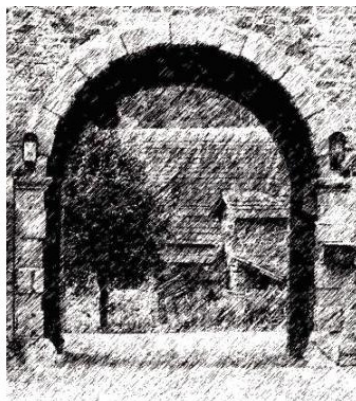
– Опять, ты со своей интуицией. Мы в полной безопасности. Она на нашей стороне.

– В том-то и дело, что мы ничего о ней не знаем, – шепотом возразила Муромцева. – По идее, человек, который в первый раз видит кого-то у себя на пороге, знакомится с ним. А Лиана встретила нас как старых знакомых. Да и платок этот. Зачем прятать лицо по самые глаза? Она даже ни разу не чихнула!

– Пожалуй, я допустила пару промахов, – Лиана или кто-то другой, похожий на нее, поднес к горлу Фисы хорошо знакомый ей серп, на котором были свежие капельки крови. – Но об этом и о письме никто не узнает.

Буквально через миг после этих слов раздался грохот, и Лиана рухнула на пол.

Тимор

– Это всего лишь склянка с зельем. С ней ничего страшного не случится. Очнется через часик и даже не вспомнит, – оправдывался симпатичный юноша в клетчатой рубашке.

– Фиса не без интереса его осмотрела. На вид парню было лет девятнадцать. Он был немного выше Панина, крепко сложен и по-своему красив. У парня было приятное лицо. А еще от него веяло какой-то особенной смесью дружелюбия и роковой загадочности. Вы бы видели его глаза... Именно про такие поют: «Очи черные, очи жгучие...». Порой кажется, что это обычные карие глаза, но стоит чуть-чуть убрать свет, как в них появляется зловещая тайна и необычайная притягательность.

– Фиса, проснись и пой! – раздался над ухом знакомый голос. – У нас не больше получаса!

– Я в курсе.

– Чего тогда сидишь? Шевели копытами!

– Вася, не паникуй!

– Я совершенно спокоен. Сегодня просто великолепный день! Самый лучший мой день рождения! Сначала собаки-шахматисты и болтливая кошка, потом газета про гоблинов и вампиров, затем спуск из окна, с учетом того, что я боюсь высоты, парочка бесшабашных магов-милиционеров и маньяк с серпом на десерт! А так я совершенно спокоен и день сегодня крайне удачный! Особенно для знакомства со своим ангелом-хранителем, – констатировал Панин.

– Извините, что вмешиваюсь, но нам надо спешить, – в комнату вошел парень в клетчатой рубашке. В одной руке он держал теплую темно-зеленую куртку, а в другой – дорожную сумку.

– Давно пора, – встрепенулся Вася и помчался прочь из квартиры.

– Куда пойдём? – спросила Анфиса нового знакомого, имени которого она даже не знала, когда они вслед за Паниным вышли из подъезда.

– А ты куда хочешь? – ответил вопросом на вопрос незнакомец.

– Мне нужно в Тимор, – деловито ответила Муромцева.

– Тогда нам по пути.

– Ты там живешь? Как тебя зовут? Кто такая Лиана? Кого ты ударил склянкой? В конце концов, где находится этот Тимор?! – из Фисы градом посыпались вопросы, а потом и рассказ обо всем, что с ними произошло за последние два дня. Любой другой человек не стал бы и пытаться выслушать такое количество вопросов и найти на них ответы, но только не этот юноша. Муромцовой очень повезло, что она его встретила. Впервые в жизни Анфиса получила столь подробные и понятные ответы на свои вопросы.

– Меня зовут Смерт Несчастный, – начал незнакомец свой рассказ.

* * *

Мир волшебников представлял собой разобранный пазл, картинка которого никак не хотела собираться. Стоило соединить одну часть с частью, допустим, N, как другая, уже соединенная с N часть, обязательно переставала подходить. Единственным сложившимся элементом в этой борьбе за результат была рамка, представления о которой настолько вросли в сознание людей, что никто уже не видел ее иначе. Рамка была основой пазла, его неизменным контуром. При этом жизнь «обитателей рамки» никого не интересовала, чего нельзя было сказать о «жителях середины», чей имидж ставился в пример и чье существование активно освещалось народной молвой. «Жителями середины» были анты и атры – светлые и темные чародеи, рамкой – жители Тимора. Рожденные антами и атрами могли получить любую профессию, путешествовать в свое удовольствие, занимать посты в Манистерииуме – для них были открыты все двери. Совсем другая жизнь была у жителей Тимора...

В России существовало лишь три прохода в мир чародеев, и все они находились в Санкт-Петербурге. Первый – служебный вход для работников Магистерииума. Второй – статуя «Мир и изобилие» в Летнем саду, который вел в мир антов. В щель между фигурами кидали монеты, подсчитав которые сидящий внутри статуи домовый открывал дверь между пространствами. Со стороны это выглядело так, будто человек растворялся в воздухе. Для жителей Тимора этот проход был закрыт.

А третий проход находился под статуей Амура и Психеи. Он был создан для атров и жителей Тимора. За вход платили кровью. Около арки стояли большие медные весы, на одной стороне которых ставилась маленькая гирька, а на другой – колба. Как только колбочка и гирька уравнивались – открывался проход. Правда, ненадолго: всего на несколько минут. Единственное место, куда можно было попасть через арку под Амуром и Психеей – Тимор.

Тимор был мрачным и опасным местом, таким отдельным бесправным государством, куда ссылали всех «инакомыслящих». Но так было не всегда. Когда-то анты и атры жили в мире с другими народами и не искали чужаков среди своего населения. Они чтит традиции и держались друг за друга, потому что помнили о Великом переселении – дне, когда, спасаясь от инквизиции, их предки создали параллельный мир – мир чародеев. В этот мир стали мигрировать хоббиты, домовые, русалки и прочие мелкие народцы. Жили среди чародеев и люди, не обладающие силой мысли (простаки). В мир чародеев прилетали погостить даже боги. Казалось, им удалось создать идеальный мир. Но бытию всегда нужно равновесие – им стало скучно без инквизиций, их больше не сплавивала общая идея борьбы и самосохранения. Они стали враждовать между собой, делить землю и т. п. В конце концов, равновесие установилось – мир разделился на антов и атров – светлых и темных чародеев. Казалось бы, теперь уж точно все проблемы нового мира решены, но в один из прилетов богов вслед за ними в мир просочились иноки. Началась война между параллельными мирами. Иноки, разрушившие свой мир и неспособные завоевать мир богов, решили поработить мир чародеев. Битва была выиграна, но было очень много потерь, и все иные народцы были признаны предателями – виновных же надо было найти – и сосланы в Тимор. Особенно досталось осевшим в мире чародеев богам, ведь вслед за ними в мир чародеев просочились иноки.

Изначально Тимор создавался в качестве тюрьмы. Со временем на его территории появились особняки богатых атров. Но после появления иноков, когда начались аресты идолов, нимф, людей и других несчастных, в чьей силе мысли находили что-то необычное и чужеродное антам и атрам, тюрьма разрослась до таких размеров, что превратилась в город. Жителям Тимора выжгли метки нестираемым проклятием и лишили возможности покидать город без разрешения властей, окружив стены самыми сильными заклинаниями. Никто и никогда не смог сбежать из города кроме двух человек: бога Ярило⁴ и младенца, которого он нес

⁴ Бог солнца и веселья у древних славян.

на руках. Их так и не нашли. С тех пор по Тимору ходила легенда, что когда-нибудь они вернутся и освободят город. Однако это были лишь мечты – в реальности триумфальное возвращение было малоосуществимо.

Конечно, с вступлением на должность главы Магистериума Темира Боголюбского положение жителей Тимора улучшилось: у них появились права, кое-какие документы. Но отсутствие равноправия бросалось в глаза. Формально они были свободны, но давление антов и атров ощущали, как и прежде. Охрана на границе города не уменьшилась, метки детям делать не перестали. На каждого было заведено досье, по которому уполномоченные лица решали: выпускать из города или нет. Да и за вход они, как и прежде, платили кровью. Что уж говорить о порядках в городе!

Каждое воскресенье в Тимор приходили за оброком колдуны. Они могли забрать что угодно: и дочь, и фамильную ценность, и последнюю краюшку хлеба. Никто не смел противоречить. Таким образом, город стал скопищем преступников и нечисти, центром торговли темных магов. Был и еще один неприятный момент. Кроме того, раз в месяц представители Магистериума забирали несколько человек на каторжные работы. Не жизнь, а жалкое существование. В этом городе и жил Смерт.

Когда ему было пять, его отца (он был человеком) убили, а через несколько дней после переселения в Тимор забрали его мать. Смерт остался один. Приходилось учиться воровать, находить себе кров и работать в помощниках у темных магов. Так бы и продолжалось, если бы несколько лет назад он не познакомился с Уллем, человеком с множеством профессий и возможностей, который представлялся при встрече алхимиком, а в свободное время занимался расследованием преступлений. Тот увидел, как ловко Несчастный срывает кошельки у опасных и осмотрительных на вид колдунов, и пригласил его к себе в помощники, выхлопотав при этом местечко в одной прибыльной торговой лавке. С тех пор Смерт работал там, а чтобы не привлекать лишнего внимания магистериумских ищеек, летом жил на конспиративной квартире у Лианы, хорошей знакомой Улля.

Несчастный закончил повествование и внимательно посмотрел на друзей, видимо, ожидая новых вопросов.

– А почему мы должны тебе верить? – подозрительно спросил Панин, когда они подошли к воротам Летнего сада. Смерт закатал рукав рубашки. Глазам ребят открылся ужасный шрам (словно кто-то вырезал гвоздем по коже) в виде буквы «А» в круге.

– И причем тут знак анархии? – не понял Вася.

– *Adimere*, – ответил Несчастный, – это с латинского переводится как «лишать». Человек с такой меткой лишен многих прав. Когда-то это даже означало, что у обладателя метки нет права на жизнь. Каждый, кто войдет в город через арку, будет отмечен этим знаком. В Магистериуме за этим очень строго следят.

– Нет, я его только про букву спросил, а он давай меня дальше радовать! У вас хоть что-нибудь нормальное в городе имеется?!

– Смотря, что считать нормальным. Для меня, например, и то, что имеется, неплохо, – ухмыльнулся Смерт.

– Что за люди, что за нравы? И куда катится этот мир?! – проворчал Вася, многозначительно посмотрев на небо.

Когда Панин опустил голову вниз и вернулся к реальности, он увидел отодвинутую статую Амура и Психеи, рядом с которой виднелся лаз. На пару секунд показались рыжие волосы. Осознав, что это Фиса, Вася побежал туда и нырнул внутрь.

Лаз оказался неглубоким. Узкий тесный коридор вывел их в маленькую комнатенку, посреди которой находился старый стол с местами отсыревшими и обгнившими досками.

На столе стояли медные весы с колбой, заляпанной кровью⁵, и маленькой гирькой. В углу помещения горел факел.

Смерт подошел к весам, достал из-за пазухи перочинный нож и привычным движением надрезал себе руку. Муромцевой стало дурно, и она отвернулась.

– А вот и арка, – сказал Несчастный через несколько минут.

– Обалдеть! – присвистнул Вася.

Фиса повернула голову. На месте пустой стены рядом с факелом теперь красовалась романская арка, аккуратно выложенная широкими блестящими камнями и обвитая виноградной лозой. Она оставляла столь радостное впечатление, что даже не верилось, что за ней – Тимор.

Ребята прошли через арку, и их взору открылся город во всей своей красе и таинственно-мрачном великолепии. Тускло светили фонари. Улицы были пусты. Часы, висевшие на дереве напротив, показывали час ночи. Смерт заметил, что в такое время лучше не высываться из дома, и повел друзей в сторону трактира, реклама на стене которого обещала амброзию высшего качества.

Трактир был подозрительно пуст, лишь с краю у окна, скрючившись над огромным бокалом амброзии, сидел некто в синем плаще с глубоко надвинутым на лицо капюшоном, а за барной стойкой жаловался матерому бармену⁶ надравшийся в стельку маг.

– Опять этот дурацкий синий плащ! – возмутился Вася. – Он нас просто преследует!

– Тише! Не привлекай внимания, – попросил его Несчастный. – Вы же в розыске, да и одежда эта, – сказал он, задумчиво поглядывая на свою сумку.

– А ты не можешь нам наколдовать местную? – вопросительно посмотрел на него Панин.

– Не могу. Я теперь, получается, тоже в розыске: магистериумские обо всем быстро узнают. Волшебством придется пользоваться по минимуму. Сейчас что-нибудь придумаем. Можно меню, – последняя фраза была адресована бармену. Тот лениво повернулся в их сторону, но, увидев Фису с Васей, заметно оживился.

– Смерт, откуда они у тебя? – они явно были знакомы, и Несчастный не первый раз зааживал в трактир.

– Это анты.

– Я понял, – усмехнулся бармен, – Что я, по-твоему, анта от атра не отличу?

– Они сбежали из дома. Какая-то нехорошая история. Я встретил их в наземном мире, решил помочь, – Смерт туманно обрисовал картину.

– Могу помочь. Вчера оборотень один сбежал и даже не заплатил, а сумку с вещами оставил.

– А вы уверены, что их можно носить? – брезгливо поморщившись, спросил Вася.

– Сразу видно – анты. Трудно им здесь будет, – покачав головой, заметил бармен и пома-нил наших путников за собой.

– Ну уж нет! Я лучше здесь останусь, – отказался Вася от возможности прогуляться по трактиру, лишь только на лестнице, ведущей наверх, мелькнула чья-то тень.

– Как желаете, молодой человек, – согласился бармен.

Вася вернулся к столу и со скучающим видом стал изучать меню. Просмотрев первую страницу, Панин непонимающе изогнул бровь, после второй аппетит совсем исчез, увидев третью страницу, он пожалел, что пришел сюда, а после четвертой голодный желудок решил распрощаться со своим скудным содержимым. Фаршированные летучие мыши, мясо оборотня в горшочке, заливные из кожи дракона, рагу из свежих опарышей и кровь по 200 мл в ассорти-менте: все это так и мелькало перед глазами, вызывая дурноту, а тут еще к нему в собеседники

⁵ За последние 50 лет ее ни разу не меняли, отчего в городе часто случались эпидемии, связанные с заражением крови.

⁶ Бармен, как оказалось позже, был еще и хозяином этого веселенького заведения.

стал напрашиваться отчаянно икающий маг. Он подошел так близко и был так неустойчив, что Васю не покидало ощущение, что неприятно пахнущая темно-зеленая жидкость из его стакана очень скоро может оказаться на джинсах Панина.

– Привет, – сказал Панин безо всякого энтузиазма.

– Я... дол... жен... Ик... Рас... сказать тебе... к, – начал маг.

– Ну, рассказывай, коли должен, – миролюбиво согласился Вася. Чувство полного безразличия постепенно поглощало его сознание.

Спустя пару минут рассказа Панин понял, что мужчина обладал довольно ценной информацией. «Такие долго не живут» – подумал он.

Человек поведал, что месяц назад в Тиморе объявился маньяк. Вроде бы, что такого – маньяк и маньяк. Для столь мрачного места – обычное дело: одна из среднестатистических профессий. Однако все не так просто – стали пропадать дети! Панин даже интерес потерял: ну, дети и дети. Плохо, ничего не скажешь, но на то он и маньяк: хочет – анатомию сусликов изучает, хочет – подпольный гарем устраивает, а хочет – Фредди Крюгером притворяется. И тут Васино внимание вернул один факт: дети, рожденные в Тиморе, были неприкосновенны. Смертность в городе уже много лет превышала рождаемость, и собранием темных магов было решено ввести в городе особое положение по защите детей. И вдруг кто-то начинает ломать запреты. Конечно же, в городе началась паника. Потом произошел ряд совершенно беспрецедентных грабежей и убийств, которые были настолько изощренны и серьезны, что даже выдавшие виды атры забили тревогу и попрятались по домам и тавернам. Но не тут-то было! Не прошло и недели, как в Тимор приехал глава Магистериума с желанием провести Велесовы игры. Переполюх в городе перерос в настоящую паранюю. Всех беспризорных подростков распределили в оперы⁷. На этом чрезвычайные происшествия в городе не прекратились – было совершено четыре покушения на главу Магистериума! Затем последовали смерти почтальона и двух ни в чем не повинных акушерок. Что дальше, и словами не описать... Город наводнили детективы. Толпы охранников различного калибра устраивали на улицах драки и били дубинками даже женщин, если те казались им подозрительными.

Неожиданно человек остановил свой рассказ, его глаза загорелись каким-то нехорошим, безумным огоньком.

Я знаю, кто это! Я знаю! – с гордостью и восторгом поведал он. – Я видел, как... – что видел, мужчина так и не смог рассказать. На мгновение он застыл, а потом повалился лицом на стол: из его спины ровно под лопаткой торчала стрела.

Вася поднял голову и чуть ли не схлопотал еще одну стрелу. В дверях замаячила знакомая фигура в синем плаще с устрашающим арбалетом в руках.

– Здрасьте, – глупо произнес Вася, подумав про себя, что лучше бы Синий Плащ опять пришел с серпом. – Как дела? Как настроение? Кофе хотите? Я сейчас позову бармена, – еще один выстрел, от которого Панин еле успел уйти, спрятавшись под стол, дал ему понять, что у человека строго определенные цели.

На лестнице, располагавшейся как раз напротив двери, появились весело болтающие Смерт, Фиса и хозяин трактира.

Еще один выстрел, и хозяин трактира кубарем скатился с лестницы. Смерт быстро взял шокированную Фису за руку, и, спасаясь от очередной партии стрел, они спрятались за барную стойку.

И тут произошло самое неожиданное. Человек, сидевший в углу с бокалом амброзии, встал из-за стола. Выпрямившись, он откинул капюшон – на лице мелькнула лукавая улыбка, и спустя секунду Синий Плащ застыл в крайнем удивлении.

⁷ См. Большую Магическую Энциклопедию.

– Господи, это же Локи⁸! – от неожиданности воскликнул Смерт. – Бежим!

Но было уже поздно. Идол их заметил и метнул в сторону барной стойки огненный шар, разрушающая сила которого была такой огромной, что дубовая барная стойка и стеллажи за ней превратились в кучку саж. Помещение заволкло дымом, брызнули стекла из окон, растеклись по полу расплавленные стаканы и бутылки, а Локи все продолжал бесчинствовать.

Поняв, что никто им помогать не собирается, Панин выскочил из своего по счастливой случайности уцелевшего укрытия и быстрее пули бросился к лестнице. Как ни странно, Локи его не заметил, а продолжал играть в «вышибалы» с Фисой и Смертом. Вася стал осторожно подниматься по лестнице, но не успел он пройти и пару ступенек, как кто-то преградил ему путь. Панин поднял голову и, к своему неприятному удивлению, увидел Синего Плаща со знакомым и таким «родным» серпом, который даже заставил его на пару секунд подумать, что лучше Синий Плащ, чем Локи: хоть будет что хоронить родственникам. Потом Вася вспомнил, что родственников у него нет и что есть только Фиса, которую саму через минут пять можно будет без кремации засунуть в урну, и решил, что лучше умереть от старости, чем от Синего Плаща.

– Вы меня преследуете, что ли? Фанат, да? Как насчет автографа? – попытался отвлечь любителя синих плащей Панин. Тот не шелохнулся. – Хорошо, я понял. До-сви-и-да-ань-йа-а-а! – прокричал Вася, на бешеной скорости несясь к выходу из трактира. За ним погнались временно объединившиеся Локи и Синий Плащ.

– Помогите-и-те-е! – завопил Вася, увидев дружную компанию преследователей. – Люди добрые! Пожалейте бедного несчастного ребеночка! Я же знаю, что вы хорошие, только нервничаете много. У меня валидол и корвалол есть. Не хотите? – то ли Локи бежать устал, то ли слово «корвалол» ему не понравилось, но он полетел и догнал бы Васю, если бы сверху не послышался знакомый голос.

– Панин, руку давай, – сказала Фиса откуда-то сверху. Вася поднял голову: над ним парил новенький, начищенный до блеска велосипед со Смертом у руля и протягивающей ему руку Муромцевой на багажнике. – Велосипедов никогда не видел? – привела его в чувства Фиса, и Панин начал карабкаться на велосипед.

Такого трюка, который пришлось исполнить сейчас Васе, наверное, в жизни не делал ни один каскадер. Велосипед несся на бешеной скорости. Ветер бил по ушам, унося голоса в пустоту. Вдогонку им летели проклятия и огненные шары. Периодически на пути попадались стаи летучих мышей. А Вася держался одной рукой за Фису, второй – за багажник и пытался закинуть ноги на колесо велосипеда, но получалось у него это крайне плохо, поэтому он бесцельно болтался в воздухе, попутно мешая Смерту крутить педали и пиная его в своих попытках залезть на велосипед, и даже умудрился чуть не задушить Фису!

Только спустя несколько часов им удалось скрыться. Смерт поколесил еще какое-то время над домами и, наконец, снизился на крышу какой-то заброшенной башни, где итак собралось немало народа.

– Неужели я на земле? – воскликнул Вася. – Я на земле! А-а-а! Ха-ха! Я на земле! – закричал он во все горло, не обращая внимания на косые взгляды разбуженных обитателей крыши. Потом он успокоился, взял протянутый Смертом плед и стал устраиваться на ночлег вместе с Муромцевой и Несчастливым.

Панин со Смертом заснули почти сразу, а Фиса стала разглядывать людей. Потом она перевела взгляд на Несчастливого: сейчас он показался ей еще более симпатичным, чем при первой встрече. Размышляя об этом, Анфиса начала проваливаться в сон, но вдруг в сознании как будто что-то щелкнуло. Муромцева не поняла, почему ей совсем расхотелось спать, ведь всего несколько минут назад разморенная усталостью она начала засыпать, но решила не задумы-

⁸ Бог разрушений у древних скандинавов, младший брат верховного бога Одина.

ваться об этом, свалив все на переутомление. Анфиса укутала раскутавшегося Панина и тихо стала пробираться к стене башни. Фиса не знала, зачем она так делает, зачем карабкается на узкий и сырой выступ, но что-то манило ее туда, как магнит, что-то, что было сильнее Фисиного сознания. Все ее нутро подчинилось незримому повелителю. Появилось ощущение пустоты. Казалось, что весь мир – ненужный, плохо раскрашенный черно-белый глобус, и самое главное, возник совершенно чуждый, однако такой желанный порыв покинуть его. Ей вдруг стало так легко от этой мысли, не было сил сопротивляться. Она понимала, что это не она, но организм не желал с этим соглашаться за неимением избытка компрометирующих улик. Шаг, и Муромцева стояла на скользком закутке стены. Она не обратила внимания на бродивших где-то снизу, у самых ее ног, оборотней и спокойно прошла сквозь проклятого призрака.

Ночь раскинулась над городом тихая и звездная. Муромцева поднялась на мизерную открытую площадку, по щиколотку укрытую опилками. Теперь уже ничто не отделяло ее от свободы: ни бортиков, ни выступов. Фиса посмотрела вниз. Внизу раскинулись величественные, покрытые бесконечными лесами горы. Анфисе захотелось раствориться в их радужной задумчивости. «Стоп! Вроде бы гор не было» – закрались сомнения, но она опять их отмела. За спиной послышался шорох. Торопясь, она занесла ногу над «пропастью», и...

С криком: «Ты с ума сошла?» чьи-то сильные руки крепко обхватили ее за талию и потащили назад, на стену. Все было как в тумане. Кажется, она даже отбивалась от своего спасителя и царапалась, намереваясь пробраться к выступу. Но, к счастью, спаситель был сильнее и держал ее крепко. Затем что-то вспыхнуло, и Анфиса обмякла у него на руках, перестав вырываться. Последним, что она помнила, были крыша и пламя, пронесшееся в полуметре от ее лица.

Проснувшись Фиса на рассвете. Открыв глаза, она увидела Смерта. Он шептал какие-то заклинания, чертя в воздухе одну за другой причудливые руны. Несчастный увидел, что Анфиса открыла глаза, и облегченно улыбнулся.

– Ну, наконец-то! Слава Тартару! Спящая красавица проснулась, – засиял он.

– Это тот свет или этот? – на всякий случай спросила «спящая красавица».

– Этот. Ты находишься там, где думаешь, и я тот, кто ты думаешь, – подстраиваясь под ее манеру, серьезно ответил Смерт.

– Уже неплохо. Но что произошло? Там, на крыше, был ты?

– Да, я. Я очень чутко сплю, поэтому когда ты прошла мимо меня, я проснулся. Сначала я думал, что тебе не спится, но потом понял: что-то не так. У тебя был какой-то отрешенный взгляд и движения неестественные, как у зомби. Я пошел за тобой. Мои опасения подтвердились, когда я нагнал тебя на стене: оборотни, если видеть их в первый раз – зрелище не для слабонервных, да и призрак этот... Но я успел как раз вовремя: ты готовилась к прыжку. Я долго думал, к чему это все, а потом вспомнил. Ведь это башня самоубийц. У ее подножия часто кого-нибудь находят. Эту башню в свое время проклинали какие-то князья. Здесь в Тиморе почти все проклято, особенно старые постройки. Хорошо, я мел всегда с собой ношу против таких штуквин. Начертил черно-магический круг, – Фиса посмотрела вниз. И правда, вокруг Смерта, нее и Васи был начерчен почти ровный круг. – Вроде, помогло. Но все равно надо быть осторожнее в следующий раз, – Муромцева открыла было рот, чтобы что-то спросить, но Несчастный приставил палец к ее губам и скосил взгляд на ворочающегося хоббита.

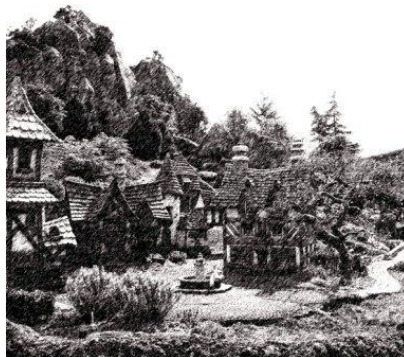
– Ты, что хочешь, чтобы они обо всем узнали? – спросил он почти одними губами. Та замотала головой. К ним повернулся молодой маг в необыкновенно заношенной мантии.

– О чем это вы не хотите, чтобы мы узнали?

– О том, что она сегодня ночью делала на крыше, – спокойно ответил Смерт. Муромцева вытаращила глаза, но Несчастный только подмигнул ей, как будто хотел сказать, что все под контролем.

- И что же она там делала, если не секрет?
- Орала во все горло, что вызывает призраков на дуэль, – нашелся Несчастный, улыбаясь.
- Каких еще призраков? Я ничего не слышал! Он говорит правду? – спросил маг недоверчиво у Муромцевой.
- Да! – ответила как можно серьезнее Фиса и, не выдержав, засмеялась. Смерт последовал ее примеру.
- Это утренний розыгрыш, да? Я так не играю!

«Сивка, которая Бурка», или Еще одно необычайное происшествие

Солнце, деревья, витрины – все тонуло в красном море заката. Друзья пожалели, что у них всего два глаза, а времени так мало. Проходя по Торговому бульвару, они пытались охватить как можно больше деталей: пронсящих с бешеной скоростью прохожих, мельтешащих под ногами мальчиков-с-пальчиков, магазины, выставленные в витринах товары, суетящихся продавцов, слепленных наскоро из воска курьеров. Из пестрого, на первый взгляд, цыганского, магазина доносилось ворчание покупателя, которого только что укусила ядовитая змея, а через неплотно закрытую дверь вырывалось пламя, перескакивавшее по шевелюрам не вовремя остановившихся у магазина нимф. «Торговый центр «Звери не для слабонервных» – гласила надпись на двери.

Здесь были магазины, которые торговали телескопами, обергами и золотыми нитями. Между прохожими сновали вездесущие курьеры, предлагая клоунские конфетты и бородавки джиннов. За ними гонялись разъяренные джинны, что указывало на свежесть товара. Витрины были забиты перьями пегасов, игрушечными ведерками с песками времен⁹, ледяными стеклами, змеиным ядом, чешуей дракона, покачивавшимися «эверестами» книг с заклинаниями, глобусами Плутона, склянками с подозрительной жидкостью...

– Нам сюда, – заметил Смерт у маленького павильончика, чья вывеска гласила: «Ирсен Ляпистая. «Одежда от А до Я», снизу маркером было приписано: «Луноподобным вход воспрещен». – Тебе нужно к костюмеру. А мы пока Васе что-нибудь подыщем и проведем хозяйина «Шпионских штучек». Встретимся через час у «Магцелярских товаров», – сказал Несчастный, передавая Анфисе мешочек с золотыми монетами.

Ирсен Ляпистая оказалась пышной, добродушной магессой в бесформенных самурайских одеждах. Помещение магазина подчеркивало принадлежность хозяйки к фамилии Ляпистая – оно было пестрое и обилизовало всевозможными нагромождениями.

За прилавком магазина на невысокой табуретке стояла бледная девушка с густыми черными косами. Вокруг нее суетилась, подгоняя по росту длинные синие одежды, краснощекая волшебница.

Осведомившись о желаниях клиентки, Ирсен попросила Анфису встать на соседнюю табуретку. От нечего делать Муромцева стала разглядывать лежавшие на полу свитки с эскизами разных нарядов, каждый из которых был подписан «заказ Ульяны Шумковой». У Фисы возникла мысль, что это эскизы платья ее соседки по табуреткам, которая выглядела скорее

⁹ Так гласила надпись на ведерках, хотя даже с 265-го пристального взгляда ощущение, что данный раритет отобран у бедного малыша, не покидало.

антом, чем атром. Увидев, что ее рассматривают, любительница синего демонстративно отвернулась и начала торопить швею с выполнением заказа, который все больше становился похож на... синий плащ!

– Все, можешь слезать, твой заказ готов, – вернула ее к реальности Ирсен Ляпистая. – Так, что еще? Ага, перчатки. К сожалению, у меня остались только из кожи дракона, остальные разобрали. Вот эти темно-зеленые пойдут? – обратилась она к Фисе. Та кивнула, не отрывая взгляда от девушки. – Еще тебе нужна шляпа. Отлично. Шляп у меня хватает – их покупают все, кому не лень.

Выбрав шляпу и отсчитав из мешочка несколько монет, Фиса вышла из павильона и спряталась за дверью ближайшего магазина. Она не могла упустить девушку в синем плаще.

Долго ждать не пришлось. Ульяна появилась спустя несколько минут и направилась в сторону книжного магазина. Муромцева последовала за ней. Книжный супермаркет с поэтическим названием «Книга – это мир», поражал разнообразием ассортимента: гигантские фолианты в переплете из кожи химеры; книги размером не больше миллиметра, которые и разглядеть-то толком было невозможно; книги с одной пустой страницей и даже книги толщиной сантиметров 30, испещренные множеством рун и иероглифов. Они стояли на бесконечных по количеству, длине, ширине и высоте полках, лежали на полу и висели в воздухе – куда ни глянь, везде были книги.

Не успела Фиса зайти в магазин, как к ней подбежал восковой курьер.

– Магвочка, не изволите ли бородавочку или клоунские конфетти? – обратился он к Фисе сладким, как сироп щедрой до сахара хозяйки, голосом.

– Извините, мне некогда! – сказала Анфиса, пытаясь высмотреть среди стеллажей Ульяну.

– Вы, берите, берите! – проявила проворность слепленная кое-как голова. – О цене потом договоримся!

– Хорошо. Сколько это стоит? – спросила Муромцева в надежде отвязаться от назойливого пересахаренного человечка.

– Синдром горения, опять контрабандой бородавок занимаемся? – раздался где-то над ухом голос Улля. «Синдром горения» с опаской посмотрел на него и испарился.

– Надеюсь, ты не согласилась, а то пиши пропало. Он хотел, чтобы ты ему законно передала свою силу мысли. Ни в коем случае не связывайся с восковыми курьерами, – серьезно сказал он, убедив Фису, ни разу не видевшую на его смешливом лице заскочивших погостить беспокойства и серьезности, послушаться совета.

– Кстати, милочка, а как ты вообще здесь очутилась? – сменил тему алхимик.

– Я ищу девушку в синем плаще. Точно такой же был на человеке, который нас преследует.

– Почему ты решила, что это она? Разве ты не знаешь, что все работники Магистериума носят синие плащи?

– Нет. Но она слишком молодая для Магистериума.

– У нее, может быть, папа-магистр, который взял ее в помощники.

– Как же нам тогда искать «правильного» Синего Плаща?

– Хороший вопрос – ищите другие зацепки, – сказал Улль и поманил ее в глубь магазина.

Вместе они прошлись вдоль бесконечных полок, купили парочку полезных, на взгляд алхимика, книг, а потом Улль куда-то делся, и Фиса вышла на улицу, где ее уже ждали Панин со Смертом. После книжного супермаркета следовал павильон «Магцелярские товары», затем лоток с котлами и супермаркет с амулетами. Следующим был магазин с многообещающей табличкой «Почтовые гарпии», где почему-то ни одной гарпии не оказалось, зато висела реклама, обещающая 70 процентов скидки на почтовых воробьев. Дальше были аптека, огромный гипермаркет с немислимыми по количеству и внешнему виду везделетами, совершенно пустой

подвал, оказавшийся крупной подпольной организацией, и торговый центр «Звери не для слабонервных», в котором им пытались всучить миленького щеночка, зубам которого позавидовали бы пиранья и сверло дантиста, а аппетиту – людоед. Вырывающееся изо рта пламя представляло собой нечто вроде дружеского приветствия¹⁰. А характер вообще медовый: вот ваша зверушка мирно спит, но стоит подойти к ней и погладить, предварительно не разбудив громким криком, как вы быстро и без проблем попадете в больничку на месяцок-другой. Впрочем, данная процедура отлично подойдет для мазохистов и желающих бесплатно покрасить волосы в черный цвет...

– Разойдись! – скомандовал чей-то громкий хриплый голос, когда они вышли на улицу. Муромцева посмотрела на его обладателя.

Это был высокий крепкий мужчина, одетый достаточно экстравагантным образом. На нем было странное одеяние, старые туфли и пурпурного цвета калоши XVIII века. Завитые волосы незнакомца больше напоминали парик, а в руке была трость из слоновой кости с серебряной рукояткой, которая при ближайшем рассмотрении оказалась исключительно нескромным изображением Зевса в форме лебедя, похищающего красотку Леду¹¹.

– Кто-нибудь видел эту девушку? – спросил он, поднимая над головой свежий номер газеты, на первой странице которой были запечатлены в полный рост Анфиса с Васей.

– Это же мы! – Панин недоуменно смотрел на газету.

– Так, уходим. Только не привлекайте внимания, – как можно тише сказал Смерт и поминал их за собой в сторону ближайшей подворотни. Не успел он это сказать, как какая-то старушка закричала, указывая на наших путешественников.

– Да вот же они! Ловите быстрее, а то убегут!

Толпа послушно ринулась на троицу. Смерт взял Муромцеву за руку и потащил к монументальному зданию, расположившемуся в конце бульвара. Панин помчался за ними.

Здание оказалось усадьбой. На входе их встретил домовый в накрахмаленном воротничке, на канте которого было написано «Афоня».

– Добрый вечер. Чем могу быть полезен?

– Можно у вас спрятаться? – обратился Панин к домовому, указывая на несущуюся к стенам усадьбы толпу.

– Довольно странная просьба, молодой человек. Что мне есть дело до... госпожа Анфиса? – удивленно остановился он на полуслове и тут же впустил их внутрь. – Проходите.

– Откуда вы знаете мое имя? – удивилась в свою очередь Анфиса.

– Всему свое время, дорогая, – хитро улыбнулся домовый, провожая их в гостиную, вся мебель в которой была застлана простынями.

– Здесь никто не живет? – спросил Панин.

– Сейчас только слуги, барин. Много лет назад хозяин вынужден был бежать из города, но он обещал вернуться. Мы очень ждали вас, Анфиса.

– А кто был хозяином этого дома? – продолжал расспрашивать Вася.

– Слишком много вопросов, молодой человек. Вам что-нибудь принести? У нас лучшая в городе «Нирвана», – сменил тему домовый.

– Нет, нам лучше родниковой воды, – отказался Смерт.

– Здоровье бережете? Ну и правильно, – вежливо заметил Афоня.

– А я не отказался бы от «Нирваны»! – добавил Панин.

¹⁰ Интересно, а как выглядит неприязнь, если приветствие столь безобидно?

¹¹ Он поразительно похож на известного английского исследователя Монтегю Саммерса. Интересно, они родственники? Хотя вряд ли, ведь Саммерс чистокровный протестант. Тем более, что он написал несколько потрясающих книг по психологии и о сверхъестественных вещах, находя им вполне логичное психологическое и физиологическое объяснение. Разве мог маг, каждый день сталкивающийся с теми же вампирами, столь легко их очеловечить?

– Хорошо. Значит, две родниковой и одну «Нирвану», – подытожил домовый, и, откуда ни возьмись, в зал влетел хоббит в наушниках. В руках хоббита был широкий, сверкающий, словно зеркало, поднос. Он поставил его на стол и передал Панину большущий бокал с темно-бордовой жидкостью. Вася подозрительно посмотрел на «Нирвану» – на его лице читалось сомнение. Но он все-таки рискнул глотнуть.

– Сними наушники, – строго посмотрел на хоббита Афоня. Тот понуро снял наушники. – Госпожа, а вы помните сказку о жизни и смерти, которую вам читал папа? – неожиданно обратился к Фисе домовый.

– Папа? – непонимающе посмотрела на него Муромцева.

– Да, твой папа – философ! Не знал, что ты из наших краев, – улыбнулся Смерт, думая, что подыгрывает Анфисе.

– Ее отец – ветер, ее мать, – начал домовый, внимательно смотря на Фису, – земля. Ее найдешь повсюду, – продолжила Муромцева, не понимая, откуда знает эти строки.

– Она – вечность, – закончили они вместе.

– Вы помните! – просиял Афоня.

– А почему не слышно толпы? Почему за нами до сих пор не пришли? – прервал его радость Смерт.

– Барин, хозяин этой усадьбы – слишком большая фигура. Местные жители и работники Магистериума обходят ее стороной.

– Уж не усадьба ли это знаменитого бога Ярило? – в восхищении воскликнул Вася, взгляд которого уже начинал затуманиваться. – Он настоящая легенда. Кроме него и младенца никому не удавалось покинуть Тимор. Я так много читал об этом, так много читал, так читал... Стоп! Младенец – это же...

– Кузьма, следы за наполнением чаш, – обратился домовый к хоббиту, который тут же поспешил налить Панину «Нирваны».

– Может быть, вам что-то нужно? – обратился Афоня к Муромцевой.

– Деньги и черный ход, – деловито ответила Анфиса.

– Ждите, – сказал Афоня и вышел из комнаты.

«Милая моя-а, солнышко лесно-ое...», – пропел Вася хоббиту и закружил его в вальсе.

– Что с ним? – удивилась Фиса.

– «Нирвана», – пожал плечами Несчастный.

По прошествии нескольких минут к ним вернулся Афоня и попросил идти за ним. Смерт потер руки в предвкушении куша. Фиса вышла в коридор за Афоней, а Несчастный поймал Панина и заставил его отпустить хоббита, после чего Вася полез к нему обниматься – пришлось так и идти.

Из коридора вели три лестницы, две из которых поднимались вверх, а одна уходила глубоко под землю. К ней путешественники и направились. Со всех сторон их окружали стены с картинами, на которых были изображены волшебники различного ранга. По пути попадались хоббиты, которые несли сундуки и сумки с золотом. Как только Несчастный с висевшим на нем Паниным наступили на последнюю ступеньку, они тут же провалились в очередной тоннель, следом за ними там оказались и остальные. Группа все летела и летела по тоннелю; казалось, он был бесконечен. Вокруг с бешеной скоростью пролетали двери, эльфы, сундуки, серебро, лица других волшебников, искусственные носы, рты и бородавки, дымящиеся джинны; мелькали окна, блестели пятки входящих в пролетающие мимо двери йогов. В общем, жизнь бурлила здесь ключом. Когда через пару секунд, они оказались в небольшом холле, ребятам не верилось, что тоннель, наконец, закончился. Со стен весело подмигивали огоньки факелов. Справа и слева – решетки, за которыми лежали сокровища. Впереди – огромная резная дверь. За ней, как оказалось, и находились Фисины сокровища.

– Вот это да! – не удержалась она. Здесь в самом деле было от чего воскликнуть.

– Ну, ты, Фиска, даешь! – воскликнул в свою очередь резко успокоившийся Панин.

Друзья стояли посреди великолепного зала, из которого выходило множество дверей. У стен расположились десятки высоких и небольших лесенок. Стены, перила лестницы, люстра, двери, пол, потолок – все доказывало, что ты находишься в сокровищнице славянских богов. На стенах показывали свои умения персонажи славянского фольклора. На потолке отчаянно спорили, кто из них нужнее, Иван Купала и Кострома. На перилах лестницы дрались на мотыгах Велес и Мокошь¹², изрядно напрягая другие миниатюрные статуи, которым приходилось поддерживать не только верхнюю часть перил, но еще и их. В середине зала под потолком, удерживаемая четырьмя лестницами, которые сами, впрочем, не имели опоры, красовалась маленькая башенка, где, как позже узнали друзья, располагалась библиотека с книгами из небесной резиденции самого царя славянских богов – Перуна. Основной зал был наполнен колоннами золотых, эйфелевыми башнями бронзовых и десятиэтажками серебряных монет.

– Простите, а что это за деньги? – обратилась Муромцева к Афоне.

– Серебряные – покли, бронзовые – судалены, золотые – галеоны. На ближайшие десять лет по общепринятому курсу ИМО¹³ в 1 галеоне 10 поклей, а в 1 покле 100 судаленов, – отпартовал домовый.

Фиса со Смертом внимательно обследовали все помещения зала, не пропустив ни одной щелочки, и, убедившись, что осталось только подняться в башню, протаскав за собой по всем углам бедного Афоню, который на свое несчастье согласился помочь им с сумками, и получив отличный заряд позитива, как после долгого похода по Херсонесу, успокоились. С чувством выполненного долга ребята побежали по лестнице, которую бог знает что удерживало, к новой и последней жертве своего любопытства – к библиотеке. За ними плелся запыхавшийся и еле заметный под сумками Афоня – еще одна жертва, но на этот раз собственного великодушия, который нес сумки, наполненные всякой всячиной, прямо на спине: ему уже было не до магии.

В это время друзья с интересом рассматривали библиотеку и решали, что бы еще сунуть в сумку домовому. Им было невдомек, что, если бы вместо Афони был обычный человек, он бы давно валялся у первой ступеньки лестницы, задавленный тяжестью сумок. Впрочем, они об этом не думали. Анфисино внимание сейчас было направлено на 3 книги в кожаном переплете: «Сборник лучших заклинаний и проклятий», «Народы, боги и существа древнего мира» и «Отвары и снадобья». Собранием юных мучителей было решено взять и эти книги. Пока Несчастный спешил «обрадовать» Жертву Собственного Великодушия новой поклажей, Муромцевой на глаза попался маленький ларец. Она попыталась его открыть, но замок не поддавался. Анфиса взяла ларчик и направилась к выходу из башни. Смерт уже ждал ее и Афоню внизу.

По лестнице, выверчивая балетные па и перепрыгивая через ступеньки, поднимался Вася. Заметив Панина, домовый, заносивший ногу над предпоследней ступенькой лестницы, чуть ли с нее не свалился, представив, что его ждет, когда они встретятся. К счастью, он наступил на свою фантазию и завидное чутье, а спустя пару минут провел их обратно к свету. Способ возвращения на поверхность оказался достаточно экзотическим, как и вид вернувшихся: тоннель сыграл роль трубы пылесоса. У одной из башен, подчиняясь чьему-то управлению, поднялась конусообразная крыша, и тоннель-труба выплюнул их в открывшееся пространство. Все происходило настолько стремительно, что Смерт еле успел сотворить внизу батут, чтобы они не разбились. Помятые, но не теряющие оптимизма путешественники двинулись в путь.

– Мы бога... – воскликнул было Несчастный, но не закончил фразу, потому что путь им преградила разъяренная толпа во главе с человеком с тросточкой, который, по-прежнему сжимая в руке газету, стоял у банка и неприятно лыбился.

¹² Велес – бог скотоводства у славян, Мокошь – богиня плодородия.

¹³ Интернациональное Магическое Общество.

– Сивка! Или Бурка! Как тебя там? – закричал Панин старой кобыле, стоявшей по ту сторону улицы. – Убивают! Спасите!

– Да, слышу я, слышу! Чай, не глухая, – проворчала та. Фиса тяжело вздохнула: сегодняшний день научил ее ничему не удивляться. Жители Тимора с интересом наблюдали за происходящим. – А ну, братва, ко мне! – скомандовала кляча. Это не возымело результата. – Кому сказала?! К копыту, быстро! – из подворотни вынырнули два сонных жеребца.

– Чаво надо? – зевая, осведомился первый.

– Щас дочавокаешься у меня! Глаза разуй! – не успела она это сказать, как Смерт с Фисой забралась на жеребцов, перекинули через их спины мешки с золотом и погнали прочь от банка. Толпа загудела. Следом, воинственно размахивая курткой, промчался Вася на кляче. Человек с тросточкой выругался и скомандовал, перекрывая уличный шум:

– За ними! – толпа хлынула за наездниками.

Не прошло и двух часов просмотра бесконечной киноленты «Вечерело. Лес. Заката красный свет. Живи еще хоть четверть века. Все будет так, исхода нет. Умрешь. Начнешь опять сначала, и повторится все, как встарь. Вечерело. Лес. Поля. Болота и канал», как лошади затормозили посреди поля, около стога сена.

Они находились в небольшой деревеньке. Справа тянулась вереница одноэтажных деревянных домиков с чудесными садами, виноградниками и цветущими пунцово-красным цветом гранатовыми деревьями.

Напротив, метрах в шестидесяти, кишела народом небольшая площадь, в центре которой с гордым видом возвышалась статуя какого-то неизвестного ребятам плотного мужчины с пышными усами. Он был облачен в мраморный фрак и тяжелые каменные сапоги со шпорами¹⁴, на затылке на полных правах властвовала лысина, маленькие глазки смотрели со строгостью, а рот был слегка приоткрыт, как будто человек-статуя остановился на полуслове. Впрочем, как оказалось, это действительно было так: как только Фиса об этом подумала, он сразу же продолжил свою речь. Вслушавшись, она поняла, что человек-статуя объявляет об отправлении на какой-то чемпионат.

На площади сразу же наступила тишина. Все в ожидании запрокинули головы к небу. Друзья последовали их примеру и в очередной, по-моему, 45-й, раз открыли рот от удивления¹⁵. По небу, хотя, какое там небо, немислимым количеством мчались пегасы, запряженные во внушительные по размерам кареты. Люди на площади стали расходиться, уступая место разъяренным от утомительной и тяжелой работы табунам лошадей и переносимым ими каретам, которые к тому же были еще и такие древние (вот-вот развалятся), что возникало два вопроса: во-первых, как пегасы умудрились с такой ношей не сигануть в океан и, во-вторых, как кареты, в свою очередь, умудрились не развалиться по дороге? Это оставалось для всех загадкой.

Из карет вышли контролеры. От толпы на площади отделилась еще пара человек, и они вместе с контролерами стали рассаживать людей по каретам, заметно облегчая их мешочки с деньгами и раздавая направо и налево вереницы билетиков. Проводив друзей до площади, Смерт заявил, что у него важные дела, и, отправив общий багаж в неизвестном направлении, исчез. Не успели наши путешественники и глазом моргнуть, как все кареты заняли. Со стороны домиков показалась знакомая фигура с тросточкой. Перспектива лететь самостоятельно казалась сейчас хоть и пугающей, но вполне реальной.

Муромцева с Паниным юркнули за ближайшего пегаса и пошли вдоль плотных рядов карет. Первые три кареты оказались заняты: им даже не соизволили открыть. Четвертая карета тоже была закрыта. На двери висела табличка: «Опера №3».

¹⁴ Неожиданное сочетание, не правда ли?

¹⁵ Интересно, им еще не надоело? Пора бы и привыкнуть!

– О! – воскликнул Панин, увидев табличку. – В той карете – целая опера!
– Как она там поместилась?
– Здесь же все экономят визуальное пространство. Включи воображение.
– Сейчас проверим, – скептически заметила Муромцева.
– Нам опять не откроют, – сказал Панин, без энтузиазма воспринимая Фисины попытки достучаться до обитателей кареты.

– Всем привет! У вас случайно не найдется свободного места?
– Я же говорил.
– Есть кто-нибудь живой? – ответа не последовало. – Есть кто-нибудь со слуховым аппаратом? Есть кто-нибудь, способный открыть? – Муромцеву начинало раздражать, что никому до них нет дела.

Из кареты послышался смех. Раздался щелчок, дверь кареты со скрипом отварила, и... Фиса пропала.

– А ты свой потеряла? – улыбнулся ей юноша.

Очарование Смертом сразу ушло на далекий второй план. «Какой же он красивый!» – подумала про себя Муромцева. Эти идеально-голубые глаза, задумчиво непринужденный взгляд, правильные черты лица и прямой, немного курносый нос. Он словно сошел со страниц журнала, публикующего сотню самых красивых людей мира!

– Фиса! – Вася щелкал пальцами у ее лица. – Аверьян сказал, что у них в карете найдутся 2 места.

– Аверьян? – Анфиса взглянула на Панина затуманенным взором.

– Меня зовут Аверьян, – сказал юноша, протягивая ей руку и помогая забраться в карету. – Я могу дать тебе на время свой слуховой аппарат. Правда, он у меня только с языком мертвяков. Другие сложно достать.

– С языком кого? – Вася подумал, что ослышался.

– Мертвяков, – озадаченно повторил Аверьян.

– Они – простаки, – сказала ему сидящая у окна девушка с огненно-рыжими волосами.

– Алиса? – вопросительно посмотрела на нее смуглая шатенка с красиво изогнутыми бровями. Она была одета в юбку из интересного блестящего материала, который в точности повторял изумрудный оттенок ее глаз. – Меня зовут Рина Парижская, – повернулась она к ребятам. – Она из кожи василиска. – ответила она на Фисин заинтересованный взгляд.

– Простаки в реставрационное не поступают, – парировал Вася. – Тут нужен талант!

– Я же говорю – простаки, – констатировала Алиса.

– Хватит нас так называть. Мы еще толком не знакомы, а ты уже обзываешься, – обиделся Панин.

– Я слышал, что здесь простаки, – раздался за спиной Панина глубокий низкий голос. Его хозяин был очень высок и недурен собой. В начищенных до блеска носках ботинок отражались астрономические часы, завершавшие его продуманный до мелочей образ. – Всегда мечтал познакомиться с девушкой-простачкой. В этом есть что-то диковинное.

– Тогда у тебя есть шанс. Меня зовут Анфиса Муромцева, – сказала ему Муромцева.

– Очень приятно. Феликс Островский, – сказал он, целуя ей руку.

– Какие мы манерные сегодня, – поморщилась Алиса. – Тебе не идет.

– А теперь кто-нибудь объяснит мне, почему все нас так называют? – спросила Фиса, пристально глядя на Феликса.

– Вы что-нибудь знаете про силу мысли? – спросила ее Рина.

– Да.

– Простаки – это люди, не обладающие силой мысли. Люди, которые спокойно могут жить в старом параллельном мире и которым не пришлось бежать сюда во времена Великого переселения.

– А с чего вы решили, что мы простаки? – сразу пошел в наступление Панин.

– Это видно невооруженным взглядом, – сказала Алиса.

– Между прочим, у Фисиного отца в Тиморе целая усадьба!

В карете на секунду воцарилось молчание. Все внимание было приковано к Анфисе.

– Это случайно вышло, – смутилась Муромцева.

– С этого места, пожалуйста, поподробнее, – заинтересованно посмотрела на нее Алиса.

– А куда мы едем? – *неожиданно (вдруг)* всполошился Вася, чувствуя, как их карета поднимается в воздух.

– На Велесовы игры, – ответила Рина. – Мы будем первой сборной в истории Тимора. Сюда было непросто попасть. Мы проходили тесты на выбранный навык, разгадывали руны. В лагере параллельно с соревнованиями нас будут готовить к балыцу. Ой, я совсем забыл, что ты из того мира. Балыц – это игра, я тебя потом научу.

– Вот так всегда! – возмутилась Алиса. – Куда смотрит магистериумская охрана? Мы в лотерею участвовали, руны разгадывали, целый кастинг прошли, а они просто взяли и сели в карету.

– Какие руны? – не понял Панин. – Да вы не знаете, что мне вчера пережить пришлось! Это в свой-то день рождения! А все из-за Фисы и трупа этого несчастного! – возмутился Вася и вкратце поведал «празднование» своего дня рождения.

– Даже Локи видели! – с восхищением сказал Аверьян. – Какой он?

– Если честно, помню его смутно, потому что через минуту после знакомства он закидал меня горячими шариками: мы с Фисой с ним минут двадцать в вышибалы играли. Он высокий такой дядечка, до потолка где-то, улыбочивый, но не общительный какой-то. Не понравился он мне, в общем. Сразу видно – иностранец! – небрежно ответил Вася.

– Везучие, вы! А мы целыми днями в Тиморе сидим: оперы, как клетки. Вот, хоть в играх поучаствуем, – грустно сказал Буянов.

– А чем плохи оперы? – с интересом спросила Муромцева.

– Ну, ты и спросила! – заметил Феликс. – Там, правда, хорошие условия, но не настолько.

– Между прочим, их отстраивал нынешний глава Магистериума! – прочитала ему лекцию Рина.

– Вот именно! – констатировала Алиса. – А все знают, что Магистериум возглавляет глупец, лебезящий перед ИМО, да еще и с прошлым соответствующим. И после этого спрашивается: откуда у нас столько проблем?!

– Встранечудесникова! – у Рины не хватало слов.

– Так что за местечко эта ваша опера? – переправила Муромцева разговор в другое русло.

– В смысле? Трудовой лагерь, – удивилась вопросу Алиса.

– А у нас так называют театры, где люди поют, – сказала Фиса.

– Ничего себе! – удивилась Рина. – «Опера» ведь с латинского переводится как «труд». И при чем тут пение?

– Слушайте, а почему вы тогда такие радостные? Трудовые лагеря обычно не очень радужные местечки. Или я чего-то не понимаю? – стараясь говорить как можно деликатнее, продолжил Панин. Карета дружно засмеялась.

– Для кого как! У нас его и лагерем-то не называют, лагерь – это для антов, – заметил Феликс.

– Для кого трудовой лагерь, а для кого курорт! – улыбнулся Аверьян. – Нас тут и учить будут бесплатно, и накормят, и денег дадут, а дома пусто, есть нечего, денег тоже нет, родителей почти у всех забрали...

– Извините, я не хотел.

– Да ладно, чего уж тут такого. Для Тимора это обычное дело, – философски заметила Алиса. – Нас травят, как мух. А этот пересушенный гоблин сейчас спокойно лежит под пальмой

где-нибудь в Северном Алжире и греет свои косточки! А еще некоторые его защищают! – возмущалась Алиса.

– Между прочим, в Алжире давно нет пальм! – возразила Рина.

– А думаешь, почему их нет? – не успокаивалась Алиса. – Потому что их извели на ингредиенты для алхимических лабораторий! Опять же, по вине твоего любимого Темира Боголюбского, которому, видите ли, хочется пожить подольше, а сердечко подводит, и он уже лет десять, наверное, пытается найти рецепт эликсира вечной жизни, изводя природу по полной программе.

– С каких это пор ты за Партию Зеленых?! – попыталась съязвить Рина.

– Смотрите! Кажется, мы приехали! – неожиданно воскликнула Анфиса.

– Ой! А я даже не видела, как пегасы тронулись! – удивленно сказала Рина.

– Все дружно повернулись к окну посмотреть на приближающийся палаточный лагерь, светящийся где-то под ними. Да... Посмотреть было на что! Миниатюрные пирамиды Хеопса, искрящиеся карамельные домики, разноцветные шатры и тянущиеся чуть ли не на 100 метров белоснежные колоннады раскинулись посреди заросшего таинственного парка, границ которого, казалось, было не объять и пяти великанам. В небе вперемешку с пестрым конфетти, раскидываемым шаловливыми купидонами, порхали феи и светляки. Откуда-то сверху, видимо, с крыши одинокой полуразрушенной башни, величественно возвышавшейся над палатками и шатрами, прыгали с парашютом бастующие гномы-шахтеры, вопящие что-то вроде: «Верните нам Белоснежку, водяные пересушенные, а то Деду Морозу жалобу писать будем» или «Гоблина вам в отцы, вы когда, зазеркалец возьми мою каску, вернете нам Белоснежку? Она уже неделю в загуле с каким-то принцем». Над башней раскинулась радуга; чуть в стороне скромно примостилось северное сияние. Со стен башни приезжих приветствовали чудаковатые участники и гости Велесовых игр, которые почему-то все стремительнее и стремительнее поднимались вместе со стенами куда-то вверх...

Некоторые из них были настолько необычны, что издали вообще не походили на людей. Например, коротышка, сидевший на плече у Стрибога, чей портрет Фиса видела в сокровищнице: не каждый день встретишь дедушку ростом треть метра с кепкой, у которого на голове вместо волос растут цветы и травы. Или стоявший через два человека мужчина с хвостом и аккуратно подпиленными рогами. Но в одном они были схожи: все они были участниками нового приключения, которые могли помочь нашим друзьям разгадать тайны мрачного Тимора.

Скорость кареты увеличилась, и ребята поняли, что пегасы все-таки не выдержали тяжести кареты и она вот-вот упадет. В тот момент, когда они это поняли, карета действительно на полной скорости врезалась колесами в припорошенную пестрым ковром конфетти землю и, конечно же, развалилась...

Открытие Велесовых игр

– Ну, вот так всегда! – проворчал Феликс, выплевывая конфетти. – Стоит Аверьянчику сесть в карету, как она обязательно упадет, да еще и развалится.

Фиса вопросительно посмотрела на Аверьяна.

– Иногда я бываю ходячей катастрофой, – ответил он на ее взгляд. – Учителя из оперы считают, что меня в детстве кто-то проклял, но сам я в это не верю. Плохие дни бывают даже у Иноков – мы же их как-то победили!

– Нет, это я во всем виноват, – к ним подошел понурый болезненно-бледный брюнет с выпуклыми зелеными глазами, тонким аристократическим носом и длинными ресницами, которым позавидовала бы любая косметическая компания. Этот молодой человек в темно-серой шелковой сорочке и узких черных брюках классического кроя сразу привлек Васино внимание.

– Данила?! – такой встречи Вася не ожидал. Перед ним стоял бывший одноклассник – Данила Мелков. Более пасмурного человека Вася не мог бы припомнить. Больше всего на свете Мелков любил жаловаться и в чем-то себя обвинять, причем суть вины ему была совершенно безразлична – важен был процесс. Он пессимистично смотрел на жизнь и к четырнадцати годам обнаружил у себя более пятидесяти шести заболеваний.

– Это я виноват, – словно не слыша Васю, продолжал Мелков. – Я видел, что вы падаете, но ничего не предпринял.

– Ты о чем? – Феликс был застигнут врасплох.

– Данила! – позвал Мелкова Панин.

– Меня зовут Морфий, – повернулся к нему Мелков. – А, это ты...

– Ничего не понимаю! – запутался Вася.

– Конечно, куда вам, простакам! – не преминула вставить «заветное» слово Алиса. – Это Максимилиан Милявский, брат Изольды, вы ее скоро увидите. Не исключено, что он с тобой учился: обычная практика для антов – отдать ребенка в школу простаков, имя обычно меняют.

– Изольду? – как показалось Фисе, Рина немного занервничала, но тут же спохватилась. – Через пять минут начнется открытие Велесовых игр, а мы не готовы!

– К чему ты собралась готовиться? – спросил Аверьян.

– Мы же не можем пойти в таком виде!

– Вы, как хотите, а я пошел, – заметил Феликс и двинулся в гущу палаточного лагеря. За ним потянулись и остальные, включая возмущенную подобной безалаберностью Рину.

Через несколько минут они остановились у одного из пестрых шатров, тесно расположившихся на поляне. На входе стоял волшебник в серебристом жакете и странном разноцветном колпаке, какие обычно надевают на дни рождения. Широко улыбаясь, он проверял приглашенных по белоснежному свитку, конец которого терялся где-то глубоко в толпе.

– Ваше имя и фамилия? – не переставая широко улыбаться, обратился он к шедшему спереди Феликсу. Тут что-то громко зазвенело. «Тру-ля-ля, три рубля, тру-ля-ля, конопля, тру-ля-ля, на носу сопля, тру-ля-ля...» – понеслось из кармана серебристого жакета.

– Да! – раздраженно ответил проверяющий, доставая из кармана позолоченное зеркальце, и недовольно уставился в него. – Сколько раз говорил: не звони мне на работу! – сказал он зеркалу. Фиса и Вася с недоумением уставились на него. – Победители конкурса? – спросил человек, отвлекаясь от разговора.

– Ага! – ответила Алиса.

– Чего стоите тогда? Проходите, – послав зеркало к гоблину, поторопил их проверяющий, пропуская внутрь.

– Что это было? – с удивлением спросила Муромцева у Феликса, шедшего рядом.

– Могильник, – пояснил тот.

– Моги... что? – переспросила Фиса.

– Могильники, – повторил он. – Штуки такие. Зеркальца, в основном, складные, но бывают разные. Мы так общаемся на расстоянии. У вас там тоже фелотоны¹⁶ вроде какие-то есть, а у нас вот могильники и могифоны. Очень удобно. Некоторые даже передачи по радио и ток-шоу ловить умеют.

– А у вас есть телевизоры? – с интересом спросила Анфиса.

– Не, таких штук у нас точно нет.

– А мне говорили, что у вас есть телевидение, – разочарованно сказала Фиса. – Я думала, у вас и фильмы пооригинальнее наших.

– А! Ты про зазеркалье. Вот мертвяки – проныры! А я все думал: откуда они идею украли.

– Какое зазеркалье? Причем тут мертвяки?

– Как причем? – удивился Феликс. – Это же они зазеркалье придумали. Только у нас этих тевелизоров¹⁷ все равно нет. Мы передачи на зеркала ловим. Правда, там всегда такая путаница с каналами...

– Вот это я понимаю, красотища! – раздался справа голос Панина. – Фиска, хватит болтать. Смотри, как здесь классно. Вот бы у нас так делали! На День города, например.

Муромцева огляделась и даже сначала не поняла, где находится. Небольшой снаружи шатер, казалось, мог вместить целую праздничную площадь.

В нескольких метрах от входа, прямо перед ними, по обеим сторонам от длинного ковра, высланного лепестками роз, начинались ряды изящных хрустальных стульев с необыкновенно мягкой, словно воздушной обивкой сидений. Поддерживающие столбы были украшены красиво подобранным переплетением полевых цветов. Над маленькой сценой в противоположном конце зала висела громадная связка причудливых воздушных шариков. Вокруг всего этого великолепия лениво парили бабочки и светляки, а несколько залетевших в шатер купидонов закидывали магов конфетти и стреляли в кого попало из своих новеньких осиновых луков.

Ярко одетые фигуры появлялись одна за другой, наполняя шатер ароматами дорогих парфюмов и звоном голосов. Не прошло и пятнадцати минут, как почти что пустой шатер под завязку заполнился разномастным народом, одетым в блестящие перламутровые мантии и экстравагантные шляпы.

Вдруг наступило молчание. Всеобщее внимание устремилось к сцене: единственному месту, где еще никого не было.

Под потоком что-то громко хлопнуло, и по залу разлетелось несметное количество мыльных пузырей, внутри каждого из которых танцевали человечки, очень похожие на присутствующих. Вася даже увидел себя в одном из них, о чем с восторгом оповестил Фису.

¹⁶ Телефоны.

¹⁷ Телевизоров.

По шатру прокатились возгласы приятного удивления, и все громко зааплодировали, а в это время один из мыльных пузырей, летавших по шатру, лопнул над сценой, оставив после себя облако райских птиц, которые, разлетевшись, явили магам... Улля.

– Вася! – с искренним удивлением и радостью воскликнула Фиса, тормоза Панина, разглядывавшего хорошенькую магессу, танцевавшую в мыльном пузыре. – Это же Улля!

– Добрый день, народ честной! – начал тем времен алхимик. – Я сегодня, как обычно, не готовил никакой речи, вчера просто денек суетной выдался...

– Да уж, – согласился Панин, прошептал это на ухо Анфисе. Но та его почти не слушала. Она по-прежнему размышляла о человеке в синем плаще. Ей не давало покоя то, что она не может понять цель и структуру преступления. Да ее вообще, по мнению Анфисы, не было. Тогда зачем они с Васей здесь, может быть, им не сюда?

– Ау! Фиса! Ты, что, заснула? – напомнил о себе Панин. – Я уже тебе тут столько всего понарасказывал, а ты никак не реагируешь.

– Ой, прости, я задумалась, – «проснулась» Муромцева. – Так о чем ты говорил?

– Вот так всегда! – констатировал Панин. – Ты никогда меня не слушаешь! Ладно, в честь праздника прощаю. Я тут кое-что заметил, – миролюбиво продолжил он, но не успел договорить, потому что в этот самый момент сзади подкрался Смерт и положил им руки на плечи.

– Попались! – громко сказал Несчастный, да так естественно, что несколько рядом сидевших магов подпрыгнули, а один даже начал наговаривать на амулет какое-то боевое заклинание.

– Господи, ты меня так до инфаркта доведешь! – возмутился Панин.

– Да, инфаркт это серьезно, – согласился непонятно как оказавшийся по близости Морфий. – У меня однажды уже был. Правда, врачи сказали, что я совершенно здоров. Но я-то знал, что у меня инфаркт, поэтому сразу решил написать завещание. Не мог же я оставить свои школьные тетради и книги кому попало. Надо было найти достойного человека, но я никак не мог подобрать такого, поэтому решил вылечиться и собирался лечь в больницу на обследование, но меня не приняли. Тогда я...

– Данила, это, конечно, очень интересно, но мы с Фисой собирались поговорить о более важных вещах, – прервал его Вася.

– Что может быть важнее здоровья? – искренне удивился Мелков.

– А, вот вы где! – воскликнул Аверьян, протискиваясь по направлению к ним между рядами; следом за ним к ребятам спешил Феликс.

– Поговорить не удастся, – печально констатировал Панин. – Жалко, что ты меня никогда не слушаешь...

– А мы думаем, куда вы делись? – сказал Аверьян, поравнявшись с их местами.

– Прям, неуловимые какие-то! – добавил Феликс.

– Мы просто... – начал Панин, но так и не договорил, потому что все присутствующие разом встали, и зал взорвался аплодисментами.

– О! Вы только посмотрите, наш Темирчик собственной персоной! – ехидно заметил Буянов.

– Это кто? – непонимающе посмотрела на Аверьяна Фиса.

– Глава Магистериума. Темир Боголюбский, – пояснил Смерт. – Не самый любимый персонаж у нас в городе.

Ребята устремили взоры к сцене, на которую, преследуемый нескончаемым мельканием вспышек фотокамер, поднимался красивый монументальный мужчина лет пятидесяти. Оказавшись на сцене, он на мгновение замер, обнажая широчайшую улыбку, ровности которой позавидовала бы вставная челюсть, и начал свою долгую речь.

Добрый день, мои дорогие граждане и гражданки! – произнес он низким звучным голосом, четко проговаривая каждое слово. – Мы все так долго ждали Велесовых игр, и вот они,

наконец, настали! – зал снова взорвался аплодисментами. – Я так рад, что сегодня я вместе с вами, потому что это великое и благостное дело – быть рядом с народом, – присутствующие не переставали хлопать. – Тем более, я сегодня такой красивый, каким еще никогда не был, хотя я и так всегда потрясающе выгляжу, не правда ли? – зал был с ним полностью согласен, чего нельзя было сказать о Феликсе с Аверьяном, которые смотрели на главу Магистериума с явной иронией.

Прошло полчаса, а Темир Боголюбский продолжал вещать, как он рад сегодня всех видеть и какой сегодня красивый, переливая из пустого в порожнее. У магов устали ладони, отчего им пришлось воспользоваться завалявшимися в карманах с недавнего Нового года¹⁸ хлопушками и телепортировать из музыкальных магазинов кастаньет погромче. Некоторые стали потихоньку уходить из шатра, другие просто заснули. Поняв, что с речью нужно закругляться, отчаянно зевавший Улль вышел на сцену и попытался разрядить обстановку парочкой анекдотов, постепенно выпроводив главу Магистериума обратно в чиновничье ложе.

– А теперь танцуют все! – провозгласил Улль.

– И тут же, как только свежепробудившийся, измотанный безумно долгой речью Темира Боголюбского зал встал, стулья, вычерчивая надписи и выделявая пируэты, взмыли в воздух и стройными шеренгами стали вылетать из шатра. Под потолком раздался щелчок, и начался настоящий звездный дождь. По залу полилась приятная медленная мелодия. На сцену вышла кудрявая магесса, одетая в роскошное платье из золотого атласа, и запела легкий блюз.

– Кого я вижу! – легко маневрируя между танцующими, Улль приблизился к Васе с Фисой.

– Здрасьте, – поприветствовал его Панин.

– Вы тоже победители конкурса? – прищурившись, спросил алхимик. – Расслабьтесь – я не выдам. Только в списках-то вас нет, так что давайте рассказывайте, какими судьбами.

– Помнишь Синего Плаща? Вот его след нас сюда и привел, – пояснила Фиса.

– Что ж, я тоже расследования люблю, внесу вас в список участников. Но не забывайте держать меня в курсе событий!

– Хорошо, – согласился Панин.

– Теперь о главном. Сегодня – вечер знакомств. Вашу команду сейчас собирает у шатра Архей, чтобы отвести в башню, где вы будете ночевать, потому что штаб-квартира Тимора не готова. Сразу говорю – местечко это не видел, но, скорее всего, запущенное, иначе бы магистериумцы отдали его более важным персонам. Ладно, увидимся еще. Мне надо остальных выловить, – коротко объяснил суть дела Улль и двинулся в противоположный конец шатра.

– Вы уже слышали о собрании? Вот подвезло, так подвезло. А я так хотел поучаствовать в празднованиях, – состроил гримасу вернувшийся с улицы Аверьян. – И куда смотрела моя удача?

– А вы знакомы? – подколол его Феликс, возникая рядом с Васей под руку с Риной.

– Какие могут быть праздники, когда речь идет о соревнованиях? Нам назначена высшая миссия – вывести спорт Тимора на новый уровень! А вы! – укоризненно обратилась к Аверьяну с Феликсом Парижская.

– Нет, не стыдно, – бросил ей Феликс.

– Вот сама и выполняй свою миссию, а мы посмотрим, – ответил Рине Аверьян.

– Вот и выполню! – с вызовом сказала Парижская.

– И какого светляка мы тогда тут стоим? Пошлите хоть посмотрим на этого Мезозоя! – выразил свое нетерпение Феликс.

– Думаю, ему больше Палеозой подойдет¹⁹, – заметил Буянов.

¹⁸ В мире магов Новый год празднуется два раза в год: в ночь на первое января и в ночь на первое августа.

¹⁹ Мезозой, Палеозой и Архей – периоды жизни нашей планеты, проходившие много миллионов и тысяч лет назад.

– Не Мезозой и Палеозой, а Архей, – поправила Рина.

– Это еще почему? – игнорируя исправления Парижской, не согласился с Аверьяном Феликс.

– А ты сам посмотри, – Аверьян указал на вышагивающее к выходу странное существо, лишь немного напоминающее человека.

– Фиса внимательно посмотрела на высокого краснокожего мужчину, из широких штанов которого где-то в районе щиколотки торчал похожий на наконечник средневековой стрелы кончик хвоста, а на голове красовались аккуратно подпиленные короткие рога, но так и не поняла, причем тут Палеозой.

Побродив среди танцующей толпы, наши герои, наконец, оказались на улице. Там уже собрались почти все победители. В нескольких метрах от собравшихся с задумчивым видом расхаживал Архей.

– Комендант! – раздался над толпой немного истеричный голосок. Присутствующие повернулись на звук. Мимо проходила низенькая преклонных лет магесса-эстетка. – Откуда столько детей? Кто их пропустил без взрослых?

– Мадемуазель, не стоит забывать, что вы на Велесовых играх. Здесь возраст спортсменов не является важным критерием, – немного лениво и мягко, держа каждое слово и паузу перед другим, с достоинством, становящимся осязаемым в ее словах, произнесла девушка в бирюзовом платье. Все сразу повернулись в ее сторону.

Какая это была девушка! Настоящая королева общества! При этом ее внешность была довольно тривиальна: светлые вьющиеся волосы, хитренький носик и слегка прищуренные небольшие зеленые глаза смотрелись буднично. Но эта харизма и обаяние! Она относилась к тем девушкам, ради которых совершали подвиги, дрались лучшие парни школы на выпускном вечере и для которых ради мимолетной встречи готовы были ограбить банк или достать звезду с неба. Она всегда шутила только в тему, как никто умела преподать себя и говорила так, что ее хотелось слушать часами. Это была Изольда Милявская.

– Спасибо за ознакомление с правилами, – буркнула женщина себе под нос и скрылась в шатре.

– Изольда? – удивился Аверьян. – Ты разве в нашей команде?

Не отвечая на его вопрос, Изольда подошла к Смерту со словами: «Привет, партнер». Увидев, что удивление команды нарастает, Смерт объяснился.

– Она здесь из-за меня, – сказал он. – Она моя партнерша по танцам.

– Ты танцуешь? – удивленно спросила Анфиса.

– Немного, – ответил он. – На что Изольда хитро усмехнулась.

Фиса почувствовала на себе внимательный взгляд. Муромцева ответила не менее заинтересованным взглядом. Она, вообще, любила это дело – людей рассматривать, особенно на фотографиях, а потом анализировать по внешности их характеры и увлечения или отмечать интересные детали. Ее внимание привлекла высокая девушка, одиноко стоявшая у соседнего шатра с раскрытым томиком стихов в руках и украдкой поглядывавшая на Смерта, который болтал с Феликсом в нескольких метрах от нее. Девушка, которая, как выяснилось несколькими минутами позже, звалась Юноной Авоськиной, была одета в розовое атласное платье сложного кроя. Ее волосы были красиво уложены, а взгляд поражал сквозившей из каждой его грани романтичностью.

– Я вижу – все в сборе, – заметно оживился Архей. – Пошлите, покажу вам башню.

– А он случайно в кино не снимался? Как ты думаешь? – на полном серьезе спросил Вася Анфису.

– Тут своих театральных зарисовок хватает, – скептически заметила Муромцева и двинулась за Археем.

Тайные знаки

Несмотря на внешнее полуразрушенное состояние, внутри башня блистала изящной отделкой. Развешанные на стенах картины и гобелены мягко обволакивало сияние свечей, торчавших из причудливых канделябров.

Они шли по широкой винтовой лестнице, устланной пурпурной ковровой дорожкой, и не переставали восхищаться великолепием этого места.

Роскошь била в глаза из каждой щели. Чувствовалось присутствие восемнадцатого века. Через широко распахнутые двери были видны гостиные, больше напоминавшие светские салоны, где утомленные балом дамы обсуждали наряды молоденьких барышень и манеры потенциальных кавалеров. В просторных спальнях рядом с каждой кроватью стояла тумбочка с ночником и томиком стихов. А четвертый этаж занимали гримерные с трюмо, заставленными множеством стеклянных баночек, и комнаты, откуда лился аромат неизвестных соцветий.

– А куда вы нас ведете? – спросил Вася.

– На мансарду. К слову, я до сих пор не понял, почему ее так называют. Просто два пустующих этажа, – ответил Архей, пожав плечами. – Правда, на ключ запираются, – после чего провожатый туманно посмотрел в потолок, и его рассказ заставил Панина пожалеть о своем любопытстве.

Последний раз на мансарде жили еще в 80-х годах XIX века, отчего, как говорили последние разведывательные данные, она превратилась в зимнюю резиденцию зазеркальцев. Магистериумские работники, перегруженные подготовкой соревновательных площадок, даже не вспоминали про мансарду, пока в списках делегатов не объявилась популярная в шестидесятых, а ныне забытая команда «Бермудские треугольники», ее и решили поселить «к зазеркальцам». Однако пару дней назад организаторы поняли, что не успевают установить шатры для команд в срок, поэтому им предоставили ночлег в башне. Команде Тимора досталась мансарда.

Закончив повествование, Архей остановился у обветшалой массивной двери, выходившей на лестницу. Дверь была заперта на длинный ржавый ключ.

Мне пора. Познакомьтесь и устраивайтесь на ночлег. Завтра предстоит насыщенный день, – Архей попрощался с ребятами и начал спускаться по лестнице, насвистывая себе под нос «Калинку-малинку».

Казалось, время остановилось в те секунды, пока Феликс открывал дверь. И вот она, наконец, открылась, правда, Рине пришлось вспомнить парочку заклинаний от блокировки зазеркальцев. Перед глазами ребят предстало помещение, поражающее своей запущенностью с первого взгляда.

Они стояли на пороге небольшой круглой гостиной. Наверное, когда-то здесь было очень красиво и уютно, но сейчас она выглядела уныло. Сквозь пелену паутины просматривались очертания мебели. На стенах был толстый слой пыли, отчего Юнона расчихалась. Призраков не было видно поблизости, но, по-видимому, они все же здесь обитали, потому что паутина и стены, в некоторых местах, слегка светились энергией²⁰. Именно благодаря этому свечению в комнате можно было что-то рассмотреть. На самом деле в гостиной без этого свечения, должно быть, было бы очень темно. Пожалуй, единственной вещью, которая сохранилась в идеальном состоянии на мансарде, было огромное витражное окно, выполненное теплыми и пастельными тонами. Даже удивительно, что оно за такое длительное время не покрылось пылью!

– Кто-нибудь видит люстру? Хочется немного света, – сказала Рина, с надеждой всматриваясь вглубь гостиной.

– Справа, – ответил непринужденный голос из темноты.

От неожиданности Алиса вцепилась в ручку шкафа, оказавшуюся ручкой большого зонта, который, раскрывшись, сбил с ног Васю.

– Кто здесь? – с опаской глядя вверх и потирая ушибленный бок, просил Вася.

В комнате загорелась люстра, и ребята увидели фигуру в синем, зависшую в позе лотоса под потолком. Вася с Фисой в ужасе замерли, а Смерт движением руки снял с фигуры капюшон. Увидев лицо Ульяны, Фиса с облегчением вздохнула.

– Эй, ты чего? – возмутилась Шумкова. – Сбил весь настрой!

– Что ты здесь делаешь? – спросил ее Смерт.

– Жду вас, читаю свежие новости, – пожалала плечами Ульяна и вернулась в астрал.

Успокоившиеся ребята разбрелись по мансарде.

– И мы будем тут ночевать? – с омерзением разглядывала толщи пыли и паутины Юнона. – Где местный домовой?

– Наверное, привидения не дают ему житья, вот он и ушел, – пожал плечами Феликс.

– Эй, вы! Что стоим? Кого ждем? Давайте, прибирайтесь! – решила взять на себя руководство уборкой Ульяна.

– Ты же в астрале, вот там и сиди, – ответил ей Смерт.

– Я устала, тут грязно, а мне убираться нельзя – ноготь сломаю, – сказала Шумкова.

– Ох и девушки нынче пошли, – вздохнул Феликс.

Не дожидаясь начала уборки, Рина, Алиса и Изольда умчались за свежими новостями. Да и от оставшейся в гостиной Юноны толка не было: она села в уголке и мечтательно смотрела на моющего стены Смерта. Но остальные потрудились на славу, благодаря чему борьбу с бесконечной пылью и паутиной удалось повернуть всего за три часа. К этому времени как раз вернулись остальные.

Ульяна тоже неплохо себя показала. Она хоть и делала мало, но нашла где-то наверху, в спальнях, проигрыватель с музыкой заводного рок-н-ролла, что сделало уборку гораздо оптимистичнее и веселее.

Дверь мансарды тихонечко отворилась, и все увидели на пороге долгового юношу в мешковатых джинсах с множеством карманов и в поношенной пестрой футболке. Его светлые волосы были взъерошены, нос вздернут до предела, а ясные и проникновенные болотно-зеленые глаза смотрели на мир сквозь чистые стекла очков непомерной толщины.

– Здравствуйте! – произнес он голосом стеснительного робота. – Мне сказали, что вы все меня ждете здесь. Это очень хорошо, – продолжал он совершенно искренне. Аверьян с Феликсом зажали рты, чтобы не засмеяться. – Я, Вонифантий Петрович Бургомистров, теперь буду

²⁰ Призраки, проходя сквозь предметы, оставляют сгустки энергии, которые в темноте легко отличить от состоящих из мелких, чаще рассыпчатых частиц бликов луны.

с вами дружить. Думаю, нам будет интересно общаться. Я много читал о каждом из вас. Пожалуй, я все сказал. – Не будучи уверенным в том, все ли сказал, закончил Вонифантий свою речь и, аккуратно ступая, словно боясь что-то сломать, зашел в гостиную.

Коротко поприветствовав Вонифантия, ребята вернулись к уборке. От нечего делать Бургомистров начал наматывать круги вдоль гостиной и, делая задумчивые остановки около каждого мало-мальски интересного предмета интерьера, что-то записывать в потрепанный блокнот, который вместе с мизеткой и говорящим²¹ словариком латинского языка, подаренным дедушкой Феофаном на девятый День рождения, всегда носил с собой. Час спустя, повинаясь мимолетному порыву, Бургомистров повернулся в сторону камина и заметил надпись на его внутренней стенке, которую зола почему-то не коснулась. Надпись гласила: «Огонь горит». Хотя она была не слишком содержательной для людей, не увлекающихся шпионскими фильмами, Вонифантий по привычке решил ее записать. Затем, не закрывая блокнот, он бегло осмотрел комнату и остановил взгляд на дверной ручке, покрытой ржавчиной, на которой, по его мнению, можно было что-то обнаружить. И точно, в одном еле заметном изгибе ручки, до которого ржавчина почему-то тоже не добралась, обнаружилась неаккуратно, словно в спешке, выцарапанная гвоздем надпись: «Дух поможет». «Интересно, что это за дух?» – подумал он и переключил взгляд на витражное окно. Одним из героев сцены, изображенной на окне, был поджарый юноша, одетый в темно-зеленую мантию. Юноша был чем-то похож на Феликса. Но наш первооткрыватель не придал этому значения. В данный момент его больше интересовал длиннющий свиток, волочащийся по земле, в руках юноши. Блондин ставил точку после двух красиво выведенных строк на латинском языке. Бургомистров нащупал в кармане небольшой сверток, завернутый в шелк, открыл словарик и приступил к переводу. В итоге получилось: «Лишь дух отважный дружбы искоренит завесу зла». На этом изучение окна не закончилось. В самом его центре верхом на коне остановилась застигнутая художником в полускачке невысокая девушка с приятными чертами округлого лица. Цвет волос и одеяние рассмотреть было невозможно, потому что девушка была со всех сторон облачена ярким светом, и сама как будто бы светилась изнутри. В руках она держала ослепительной красоты меч. Он сверкал как солнце в ясную погоду и словно только что вышел из-под умелой руки небесного кузнеца Гефеста. Присмотревшись, Вонифантий заметил на голове у девушки золотой веночек-надпись из множества закорючек. Но смог разобрать только начало фразы: «Ejus pater est ventus, ejus mater est terra, ejus...»²². Лицо незнакомки на коне кого-то очень сильно ему напоминало, но он не мог понять, кого именно.

Пока Вонифантий предавался размышлениям, гостиная успела приобрести четкие очертания. Она оказалась небольшой по сравнению с другими помещениями башни, круглой и уютной. Площадь, при ближайшем рассмотрении, составляла не менее сорока трех квадратных метров. Для размеров среднестатистических городских квартир – баснословные хоромы.

На покрытых пылью и паутиной всего пару часов назад стенах читались причудливые руны, выведенные золотом; описывали события давно минувших дней фрагменты из легенд. Купол потолка украшала панорама солнечной системы, в которой каждая по своей оси вращались нарисованные планеты. Пол, словно большой плакат, от края до края заполонили строгие ряды рун, а в центре образовывали огромный циферблат римские цифры от I до XII.

Яркие кресла и диваны, необычной формы пуфики, подушки самых неожиданных расцветок и диковинная отделка помещения – все напоминало инсталляцию при музее современного искусства.

²¹ До 1999 года русская типография волшебников выпускала книги по старым технологиям, с оживлением; это сейчас они более аккуратны и не используют подобные методы.

²² «Ее отец – ветер, ее мать – земля, ее...».

В этот момент, о чем-то оживленно беседуя, в комнату вошли Рина, Алиса и Изольда. Их лица были настолько счастливыми, что даже Данила подумал, что в жизни есть что-то хорошее.

– Вы как медные пятаки сияете! Что вас так обрадовало? – с интересом спросила Анфиса.

– Мы только что говорили с самим Темиром Боголюбским! – радостно оповестила Рина, после чего Аверьян поморщился, будто лимон проглотил.

– А еще нам Улль сказал, что завтра пройдут первые соревнования! – перебила ее Алиса.

– И новость на десерт – скоро приезжает Тимьян! – с восторгом сказала Изольда.

– Только его тут не хватало, – заметил Аверьян.

– Как будто ты не знал, что он приедет, – ухмыльнулся Феликс. – Лучший игрок сборной антов и сидит дома во время Велесовых игр!

– Покажи мне статью в Конституции, которая запрещает мечтать, – парировал Аверьян.

– Слушайте, народ, а давайте «свечу» устроим! – перевел тему разговора Вася.

– Это как? – искренне удивилась Алиса.

– Так обычно в летних лагерях делают, – попытался объяснить Панин.

– Ты тоже уже успел побывать в трудовом лагере? А за что? – теперь настала очередь Рины удивляться.

– Да, нет же. Я про обычные детские лагеря у моря или на природе. Мы там отдыхаем с вожатыми и воспитателями. Для нас всякие мероприятия проводят. Дискотеки, кино, песни под гитару, новые друзья. Живем в комнатах по несколько человек, – в двух словах обрисовал Вася.

– Звучит неплохо, – сказал Феликс. – У нас такие не строят. Хотя, может, в ИМО и строят, но нам точно там не побывать, – грустно вздохнул он.

– Так вот. Там проводят в начале смены «свечу». Садится в круг отряд, зажигают свечу и начинают по кругу ее передавать. Каждый, у кого окажется свеча, рассказывает немного о себе: как зовут, чем увлекается – в общем, буквально пару слов.

– А я тоже так делала, когда к одному астраханскому гуру на осенние каникулы ездила. Только мы там учились астральному этикету. Но суть та же, – загорелась энтузиазмом Алиса.

– Так чего мы ждем? Давайте попробуем! – воскликнул Аверьян.

– Нет, сначала надо найти какой-нибудь стол, а то немодно как-то, – возразила Ульяна. – Тем более пол каменный – можно простудиться!

– Вот привереда!

– Пожалуй, она права, – мягко и слегка медлительно произнесла Изольда. – Стоит сдвинуть диваны и кресла и устроиться на них, а еще – лучше взять в прокат с какого-нибудь склада стульчиков.

– Так пойдет? – осведомился Несчастный, движением руки вытягивая из каменного пола крепкие, обитые велюром стулья.

– Где ты так научился? – спросил пораженный Аверьян.

– Где-то научился, – ответил загадочно Смерт, сядя рядом с Васей.

– А где мы свечу возьмем? – спросил Рим, когда все расселись.

– У меня есть, – сказала Алиса, доставая из кармана маленькую свечку с ракушками на дне и произнося тихое шипящее заклинание, после которого в середине свечки затлел маленький огонек.

– Ой, мне прямо не терпится! – воодушевленно заерзала на стуле Рина. – Можно, я первая?

– Начинай, – дал добро Феликс, после чего Парижская буквально выхватила из рук Встранечудесниковой свечку и начала рассказ.

– Я – Рина Парижская. Мой брат Рим работает в секретном отделе Магистерииума. В прошлом году я стала лауреатом премии Ларошфуко в области Практической магии, – ни без гордости поделилась Рина и, довольная, вернула свечу Алисе.

– Всем привет! Меня зовут Алиса Встранечудесникова. Я умею играть на лютне. Моего двоюродного брата зовут Смерт Несчастный, – Вася с Фисой в изумлении переглянулись. Я верю в греческую мифологию и преуспела в запрещенной силе мысли – если нужен будет приворот или сглаз – обращайтесь, – Фисе показалось, что когда Алиса передавала свечку Ульяне, на лице Юноны отразилось желание воспользоваться услугами Алисы.

– Я Ульяна Шумкова. Я модель, – на этом «выступление» закончилось, и Уля собралась уже передать свечку сидящей дальше Юноне, но Вася ее остановил.

– И это все? А что-нибудь еще можешь о себе рассказать?

– Я модель.

– Это мы уже поняли. А что-нибудь еще?

– Я модель!

– А про семью или про друзей? Увлечения у тебя есть?

– Зачем? Все есть в астрале. Захотите – прочитаете, – не выдержала Уля.

– Ладно, давайте дальше, – сдался Панин, и Шумкова отдала свечу Авоськиной.

– Я Юнона Авоськина. Я люблю готовить и вязать беретки, мое коронное блюдо – борщ, а любимый цвет – розовый. У меня есть мечта, знаете, как в кино: меня кто-нибудь украдет, но придет прекрасный принц, спасет меня, и мы будем жить долго и счастливо, – обеда мечтательным взглядом присутствующих, поделилась сокровенным Юнона.

– Юноночка, дорогуша, – вернул Авоськину в реальность Вася. – Жизнь это не кино.

– Но почему? – искренне удивилась Юнона. – Разве в обычной жизни не может быть также красиво, как в фильмах? Мы же волшебники! Значит, можем сделать реальность кинематографичной.

– Я однажды записал умную мысль об этом, – сказал Вонифантий, листая блокнот. – Кажется, здесь, – он остановил взгляд на одной из страниц. – Каждое совершенное нами волшебство несет в себе необратимые последствия для будущего. И нередко, изменив свою судьбу, мы меняем судьбы тех, кто нас окружает, и чаще не в лучшую сторону. На каждое добро возвращается столько же зла, а на каждую мечту есть свой кошмар...

– А какое вы любите кино, – решила перевести тему Анфиса.

– А что такое кино? – с непониманием спросил Морфий.

– Ну ты и темнота! – воскликнул Феликс. – По-моему, это даже тролли знают, – Морфий пронзил его демоническим взглядом, и, резко встав со стула, направился в сторону двери.

– Зачем так грубо? – попеняла ему Рина. – Мало ли, человек не знает?

– А что я такого сказал? – искренне удивился Островский, не ожидавший подобной реакции. – Чего ты обиделся-то? – обратился он к Морфию, но тот, остановившись на мгновение, пошел дальше. – Ну, извини, погорячился! Только не надо расстраиваться, а то Ринка не отстанет потом, – Парижская демонстративно отвернулась. – Кино – это когда жизнь людей показывают со стороны. Например, ты сидишь в комнате и смотришь, как в детском саду танцевал у елочки на новогоднем празднике, – Морфий обернулся, посмотрел на Феликса с проблеском понимания и вернулся к своему стулу.

– Это – то же самое, что путешествовать во времени, только находясь в одном месте? – спросила он.

– Наверное. Если честно, никогда не путешествовал, – ответил Островский.

– А я люблю сериалы и комедии, – вклинилась в беседу Ульяна, давно желающая поведать всем о своей любви к сериалам, и разговор снова закрутился в прежнем русле. – И Хэрис Пилтон²³ люблю, и Шестую усадьбу²⁴.

– Заметно, – констатировала Алиса.

²³ Аналог Пэрис Хилтон в волшебном мире.

²⁴ Аналог «Дома-2» в волшебном мире.

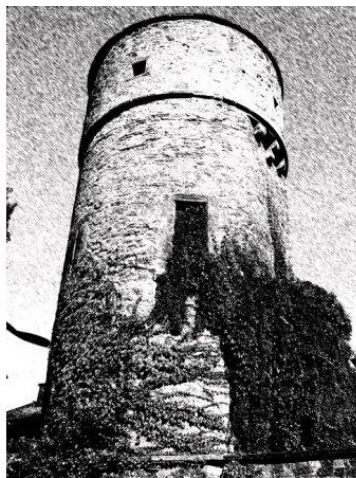
– Не... Мелодрамы лучше! – возразила Юнона, переключаясь на любимую тему. – Там так все романтично... Даже принца настоящего можно встретить, не то что в обычной жизни.

– А мне нравятся фильмы ужасов и триллеры, в которых есть испытания на прочность или очень сильно закрученный сюжет. Там каждая деталь продумана до мелочей; есть какая-то цепь событий. Случится что-то, и продуманный механизм заведется, – задумчиво сказала Алиса.

– Да ну, не интересно, – высказался по этому поводу Вася. – В жизни так не бывает! Какой умник пойдет на кладбище ночью, если можно сделать это утром? («Фиса», – мелькнуло в голове) Или еще лучше. Где вы видели шайку головорезов, которые не нападают на человека все сразу, а делают это по одному, а остальные терпеливо ждут в сторонке своей очереди? («В Новочеркасском поселке», – снова всплыли в голове воспоминания) Или маньяка, полчаса читающего нотации жертве, прежде чем ее убить? То-то и оно! – возвел он указательный палец к небу, и ему вспомнился сошедший с ума монах из Пскова, который, собираясь его убить, около часа читал странные молитвы, видимо, ожидая, когда придут Фиса с Митькой и треснут его несколько раз битой по голове.

– Очень даже бывает! – возразила Рина.

Пророчество Башни-оборотня

– Давай поспорим! – уверенно предложил Панин.
– На что? – Парижская не желала сдаваться.
– На желание! – ответил он и протянул ей ладонь. Они взялись за руки, и Вася попросил Муромцеву разбить спор.

– Вставайте в круг и беритесь за руки, – неожиданно скомандовала Алиса.

Все послушно встали в круг, и только потом Вася вспомнил о том, что даже не знает, зачем они это делают.

– Зачем? – задал он вполне уместный вопрос.

– Мы хороводы будем водить? – попытался сострить Аверьян.

– Не угадал, – спокойно ответила Алиса.

– Вы самое слабое звено! Прощайте! – продекламировал Феликс и снова засмеялся в голос.

– Да иди ты.

– Алиса тем временем взяла свечу со стула и встала в середину круга.

– Не нравится мне это, – поежился Панин. – Фанатичная она больно, – шепнул он на ухо Фисе.

– Да ладно тебе. Тут все такие, – констатировала Муромцева.

– Меня, пожалуйста, не трогать, – заметил Вася.

– Тише! – шикнула на них стоявшая через человека Рина.

– А что мы делать-то будем? – спросил ничего не понимавший Парижский.

– Луна в зороастральской проекции, – пояснила Рина.

– Чего-чего? – с удивлением переспросил Панин.

– Фаза луны, идеальная для вызовов духов вечности. Бывает раз в году, длится чуть больше часа. Отличается стопроцентной верностью предсказаний, – отчеканил Вонифантий.

– Ну, раз такое дело, можно и постоять, – согласился Вася и замолк.

Прошло 10 минут. Ребята по-прежнему стояли, крепко держась за руки и не произнося ни слова. Алиса бегала внутри круга, издавая малопонятные звуки и поочередно освещая лица огнем свечи. Зрелище было смешнее некуда, но дать волю эмоциям было опасно, поэтому все с крайне серьезными лицами ждали завершения ритуала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.